

Бондарчук Максим

Легендарный

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Максим Бондарчук
Легендарный

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Бондарчук М. С.

Легендарный / М. С. Бондарчук — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Они встретились очень давно, в сиб-группе из двадцати человек, пережить которую удалось далеко не всем. Спустя годы судьба свела их вновь, но уже по разные стороны баррикад, воюющих за тех, кого когда-то считали заклятыми врагами. Содержит нецензурную брань.

Иногда бывают моменты, когда хочется побыть одному.

Забыть о насущном, подумать над тем, что произошло и как это повлияло на твою жизнь. Раньше у меня всегда на это не хватало времени. Теперь же, когда времени осталось совсем чуть-чуть, я вдруг осознал, что именно сейчас мне хочется выкроить эти несколько минут и в полной тишине, которой здесь так не хватало, просто подумать.

Смерть!

Смерть!

Смерть!

Они опять разбушевались. Кроважадные ублюдки. Сборище немытых каторжников, лишенных свободы до скончания времен, они как стервятники, чувствовали скорую схватку и труп, на который были готовы наброситься прямо сейчас.

Через маленькое каменное окошко, забитое вдоль и поперек металлическими прутьями, я видел, как поднимались и падали многие из тех, кому в определенный момент не повезло попасть в это место. Они поднимались и падали, поднимались и падали. И кровь лилась из их ран, и тела изнеможенно тряслись под ударами вражеских кулаков, бессильно пытаясь защититься. А потом тишина. Мертвая, как будто сошедшая откуда-то сверху, окутывала всех нас, железными тисками приковывая к месту. Спустя секунду зрители взрывались криком ликования и вываливались на поле, чтобы растерзать бедолагу, быть может еще живого и дышащего, но уже не способного отбиться от изголодавшихся до крови людей.

В камере почти всегда было прохладно несмотря на то, что снаружи царил настоящий ад. Каменные стены иногда покрывались конденсатом. Стекая по поверхности, маленькие струйки воды собирались в небольшой выбоине в углу, выколоченной прежними заключенными, откуда потом ее можно было пить. Слегка теплая, с металлическим привкусом и отдававшей неприятным запахом, она была чуть ли не единственным источником влаги, пить которую можно было без больших опасений.

Смерть!

Смерть!

Смерть!

Толпа не на шутку разбушевалась. Подойдя к стене, все еще держа ладони сложенными "кульком", я взглянул сквозь металлические прутья на арену и увидел последний этап смертельной схватки. Старик Рене бил изо всех сил. Его кулаки подобно молоту Тора опускались на свою жертву, выбивая из последнего остатки жизни. Сильно. С обезумевшими от страха и ненависти глазами, он выбивал из противника остатки жизни.

Удар – кровь.

Удар – кровь.

Конец стал очевиден после того, как руки поверженного противника опустились на землю и уже не поднялись. Следующие несколько секунд прошли в могильной тишине, после чего решетки открылись...

Стервятники вырвались из своих клеток и бурным потоком полились прямо в центр арены. Победитель смог покинуть ее до того, как на ней не осталось пустого места. Ошметки тела летели в разные стороны. Рев и крики наполнили здешнее пространство. Они вгрызались в его тело, рвали на ней одежду, словно это было последней ценностью во вселенной. И только спустя несколько минут, когда от тела не осталось ничего кроме алого песка, а толпа осознала, что пир окончен, откуда-то сверху прозвучал гонг.

Трапеза завершилась.

И так на протяжении почти двух лет...

– Расскажи мне все что там произошло, с самого начала.

– Это займет слишком много времени. Оно у тебя есть?

– Да.

– Странно, мне всегда казалось, что его никому никогда не хватает.

– Вернемся к делу.

Он вошел в камеру чуть позднее.

Солнце на этой планете всегда горело блекло-фиолетовым светом и было похоже на размазанный по палитре мазок высохшей краски, которую художник забыл смыть. Конвой вошел неспешно, как будто мое присутствие его мало интересовало, взял в окружение и провел до самого верха, откуда открывался незабываемый вид на закат. Явление, передать словами которое было практически нереально.

Фиолетовый диск закатывался за Саркаститовые горы, острыми клыками возвышавшиеся почти над всем горизонтом на протяжении двухсот километров подобно челюстям исполинского аллигатора. Говорили, что там, за этими горными перевалами, за заснеженными вершинами, где нещадно дул ураган Вервульф, была свобода. Такая недостижимая для почти двух тысяч заключенных, чьи жизни теперь были закованы в кандалы этой отдаленной от всех живых маршрутов тюрьмы. Сюда очень редко заходили космолеты и новые не часто забредали в это место. По правде говоря я только один раз за два года видел транспортник, заходивший на посадку с южной стороны космопорта. Вроде как привезли очередную партию заключенных. Не знаю. Сложно оценивать ситуацию на планете, поверхность которую можно было увидеть лишь пару раз: когда тебя привозили сюда и поднимали на поверхность для допроса и, когда уводили на арену, где жизнь большинства заключенных почти всегда заканчивалась смертью.

Три раза. Только три раза закат солнца на этой планете можно было увидеть своими глазами. Ни больше и не меньше. Такое великое чудо, явление огромной планеты, приближенной к небесному светилу ближе всех остальных планет-гигантов в этой системе, пропустить столь невероятное событие было настоящим кошмаром. И я пытался задержаться как можно дольше у громадного окна, разглядывая поднимавшиеся из-за горизонта языки фиолетового пламени – протуберанцы.

– Красиво, правда?

– Да.

– Жаль, что ты больше этого не увидишь.

В кабинете было тепло, в центре стоял стол, несколько стульев и древние картотеки, непонятно как и когда попавшие сюда. В сравнении с каменной камерой в которой мне довелось пробыть три года, ощущение теплоты и уюта в комнате для допроса казалось настоящим райским наслаждением, за которым, а мне это было известно наверняка, скрывалась боль и отчаяние, впитавшееся здесь даже в стены.

Он почти не говорил – предпочитал смотреть. Наблюдать. Его лицо мало о чем могло рассказать, если только не брать в расчет несколько звезд, висевших у него на груди и погоны, указывавшие на высокое положение этого человека на планете. Его грубость оказалась оправдана – заключенные боялись его и боготворили. Его слово – закон. Его указы неукоснительно выполнялись в течение нескольких минут. Ничто на этой планете-тюрьме не делалось без его ведома и такой контроль приносил свои плоды – за годы эксплуатации тюрьмы не было зафиксировано ни одного побега.

– Ты видел бой?

– Да.

– Как тебе?

– Они дрались как животные.

– Рене мой лучший боец.

– Он чудовище.

– Тебе ли об этом говорить.

– Ты позвал меня ради этого?

Он отвернулся и спустя секунду каменное окно за его спиной распахнулось, открыв вид на пустыню, покрывавшуюся тьмой наступавшей ночи.

– Знаешь о чем я думаю каждый раз, когда смотрю на эту планету? – он не повернулся и продолжал говорить, стоя ко мне спиной, – о том, что и мы все подобны ей. Наша звезда зашла и тьма наполнила наши души. Мы стали зверьми, как те, кто сейчас ползает на четвереньках, собирая ошметки бедолаги на арене.

Потом он развернулся, прямо посмотрел на меня и сел на кресло, пододвинувшись к столу.

– У меня есть приказ. Мы должны узнать как все произошло?

– Ты и без меня прекрасно это знаешь.

Офицер слегка приподнялся и указал на записывающее устройство в дальнем углу. Оно было похоже на раскрытый чемодан и оказалось набито электронной начинкой.

– Это не просто личный разговор двух старых приятелей, а допрос.

– Тогда в чем проблема?

– В твоём упрямстве.

– Оно много раз меня выручало.

– Не сегодня, – коротко ответил офицер, – не в этот раз.

– Ты всерьез думаешь, что дела минувших дней как-то помогут вам всем?

– Прошло не так много времени с того самого боя.

– Там много погибло людей, – мне вспомнился четверг девяносто восьмого года, когда звено из стальных машин шло разомкнутым строем к позициям противника и попало в засаду.

– Как все произошло? – повторил вопрос офицер. – Мальбук... это же было там, верно?

– Там очень красивое солнце. Оно похоже на желток куриного яйца в подсолнечном масле.

– Не уходи от ответа.

– Я и не собираюсь.

В груди слегка защемило.

– Нас наняли за три недели до случившегося. Сложно сказать что мы чувствовали в тот момент, но земля на той планете редко когда замерзала и больше походила на черные топи, в которых машины тонули почти по "щиколотку", опасно погружаясь в эти зыбучие пески Мальбука. Наши двигатели перегревались почти каждые десять минут. Мы были вынуждены делать привал прямо на открытой местности, не ища каких-то укрытий и не заботясь о собственной безопасности.

– Почему?

– А что делать? Двигаться было нельзя. Охлаждающая жидкость кипела в емкостях, как будто подогретая в котле. Жара, тяжелый зыбучий грунт, грязь в отдельных районах, все это создавало невероятную нагрузку на узлы, и реактор, работавший на пределе своих возможностей, мог взорваться от малейшей перегрузки.

– Что потом?

Я с секунду помолчал.

– Потом мы дошли до назначенного места, по уши в грязи и уставшие как собаки, однако обнаружили уже остывшие остатки второго звена.

Офицер подозрительно посмотрел сначала в мою сторону, потом в сторону записывающего устройства.

– Ты все правильно помнишь?

– Я же говорил – слишком много воды утекло с того момента.

– Значит ты мог кое-что забыть?

Я наклонился вперед через стол, стараясь оставаться на месте. Потом облокотился и попытался встать, но охрана, наблюдавшая за всем со стороны, тут же усадила меня обратно, среагировав на мои действия почти моментально.

– Я знаю о чем ты думаешь. – прошептал я ему. – Знаю так же что написано в этом поганом отчете. Нет, я шел на помощь быстро насколько это было возможно в тот момент. Ты и все остальные, думаете, что я нарочно замедлил ход, чтобы не ввязываться в схватку с превосходящими силами противника, но это ложь. Я никогда не избегал схватки. Никогда! Даже, когда знал, что все может закончиться печально. Такова моя натура. Но в тот день все будто говорило о том, что их смерть будет неизбежной.

Офицер замолчал. Внес мои слова в специальный журнал и тут же поднялся, повернувшись к окну, откуда теперь можно было смотреть на почерневшие скалы Саркаститового гребня. Температура упала. С внешней стороны окна, уже сейчас начавшей покрываться инеем и причудливыми ледяными узорами, офицер видел как столбик термометра начал падать вниз. Одно деление. Второе. Затем третье. И так до тех пор, пока минус не стал смертельно опасным для всего живого, что могло находиться за пределами тюремного комплекса. Снег посыпал с неба. Маленькие крошки, как будто хлопья попкорна, оседали на черной поверхности планеты, закрывая мертвую землю белоснежным покрывалом.

– Такое редко можно увидеть. – начал офицер, опять встав спиной ко мне. – Я столько лет здесь и последний раз видел нечто подобное четыре года назад. – потом он едва слышно усмехнулся. – Забавно. Иногда мне кажется, что природа просто издевается над нами. То невыносимая жара, от которой хочется забиться в самый холодный угол этой тюрьмы, то пронизывающий до костей холод. Никогда бы не подумал, что остаток жизни проведу в месте, где календарным летом можно замерзнуть насмерть.

Он устало вздохнул и еще какое-то время пробыл в таком положении, внимательно всматриваясь в покрытые белой пеленой горы.

– Заключенные, те, что еще работали в закрытых ныне копиях Саркаститовых гор, утверждали, что слышали как воют волки, когда ветер Вервильф поднимается на самый пик этого проклятого места. Кто-то даже говорил, что видел целые стаи этих хищников, когда выбирался на поверхность.

Потом он слегка повернулся, держа руки сложенными за спиной и украдкой посмотрел в мою сторону.

– Но мы-то знаем, что все это байки.

Молчание.

– Живого на поверхности этой планеты нет и быть не может, но людям почему-то свойственно видеть в темноте все самое страшное, что таится в их прогнившей душе. Я устал, старик. Правда. Устал и хочу на покой.

– Я тоже.

– Помнишь как мы клялись, что будем сражаться до тех пор, пока у нас хватит на это сил? Как встали в один ряд: ты, я, Войтенков, Никитин, все наше звено, сложили руки, будто скрестив мечи перед страшным боем, и дали общую клятву.

– Конечно помню.

– Сколько нас осталось спустя годы?

– Только мы с тобой.

– Черт. Я так и не смогу отыграться у Войтенкова.

– Он тебе все простил. Ты же знаешь.

– Да, знаю. Но мне хотелось взять реванш. Жаль, что старина ушел раньше, чем нас опять свела судьба.

В комнате для допросов наступила тишина. Последние охранники, стоявшие у входа, вышли и теперь в помещении остались только два человека: я и он.

Потом офицер развернулся, потянул руку к пульту управления и уже хотел было закрыть каменное окно, но я попросил оставить все как есть.

– Не делай этого. Я хочу посмотреть на планету.

– Она тебе так нравится?

– Последние несколько лет я только и делал, что смотрел в мокрые каменные стены своей камеры и слышал как кричат озверевшие заключенные перед очередной схваткой на арене. А здесь...здесь все иначе.

Он усмехнулся и отвел руку от пульта. Затем вернулся за стол, поднес несколько документов и принялся молча читать, иногда поглядывая на меня из-под лба.

– Давай начнем все с самого начала. Двадцать восьмое июля.

– У нас есть на это время?

– Я дам тебе его столько, сколько потребуется. Не скупись на детали, быть может перед казнью эта исповедь облегчит тебе душу.

Двадцать восьмое июля.

– Полная.

– Что?

– Говорю, коробка полная. – Войтенков прыгнул со стального листа боевой машины, стряхнул грязь со своих штанов и закурил. – Он не успел сделать даже одного выстрела – коробка набита под завязку боеприпасами. Странно, что вся эта дрянь не сдетонировала, когда луч прожег машину насквозь.

Мех лежал на каменной глыбе, ставшей для него надгробной плитой. Лежал немного накренившись, будто устав от длительного боя. Корпус был изрезан осколками, вдоль всего боевого отделения виднелись прорезы от попадания лучевого вооружения. Тут и там на броневых листах можно было увидеть шрапнельные отметины – оружие, которое редко использовалось в боях "мех-на-мех", но в крайних случаях способное здорово повредить движущиеся узлы, если удача была на стороне стреляющего. В этот момент я не преминул высказаться насчет этого.

– Ему здорово повезло, – сказал я, поднимая с перепаханной тяжелыми боевыми машинами земли стальной рифленый шарик. Размером с крупный абрикос, может чуть меньше, смертоносная начинка являлась идеальным оружием для истребления пехоты, но вот мехи... они мне казались всегда были хорошо защищены против подобного вооружения. Но сейчас, глядя как остывали останки некогда громадной машины, я подумал, что в этой жизни нельзя быть уверенным в чем-то на сто процентов и всегда существует маленький, но шанс, что даже такое безобидное, на первый взгляд, оружие, выведет из строя и поможет уничтожить шестидесятитонную громадину.

– Ты про того, кто стрелял? – Войтенков приблизился ко мне и поправил очки. – Да, ты прав. – он выхватил из моих рук шарик и подкинул вверх. – Ему здорово фортануло в этом случае. Обычно они как горох от стенки...отлетают, не причиняя никакого вреда. Но тут походу рванул фугас.

– Ты так думаешь?

– Да. – Войтенков кивнул головой и сжал шрапнель в своей ладони. – Там, – он указал чуть дальше за холм, где виднелось несколько крупных воронок от взрыва. – Я проверил то место – их заложили заранее, будто зная, что мехи пойдут этим местом. Когда машина Лирроя оказалась над ним, сработал магнитный детонатор. Пошли, я тебе покажу.

Мы приблизились почти вплотную к еще горячим останкам боевого меха от которых жарило как от батареи, потом обошли со стороны и остановились у ног, которым в этом бою досталось больше всего.

Броня на них была почти вся сорвана. Оказались оголены жизненноважные узлы, в которых как раз и было обнаружено множество шрапнели разного диаметра, застрявших там после взрыва. Обычно такое случалось, когда огонь велся поистине ужасающий, буквально срывающий крепленую броню, словно куски свежего мяса. Войтенков отошел назад – жар был сильным. Потом закрыл рот повязкой и попросил меня последовать за ним к воронке.

– Ты думаешь, это она? – спросил я, встав у края и посмотрев вниз. – Здесь на несколько килограммов тянет.

– Возможно.

– Ты говорил с Никитиным? Он ведь был рядом, насколько я помню.

– Нет. – он отрицательно покачал головой, все еще держа повязку у рта. – Его отвезли в госпиталь. Выстрел "Громовержца" чуть было не разрезал его "Вурдалака". Страшная мощь, с таким я еще не встречался ранее. Я сам видел как покачнулась его машина после того попадания. Даже представить не могу, сколько энергии было в том импульсе.

– Он в порядке?

– Сложно сказать. Его мех изрядно потрепало. Признаться честно, я вообще не уверен, что он сможет доковылять самостоятельно до базы.

И правда, до базы было почти полторы сотни километров – сущая мелочь для громадных машин, привыкших к длительным марш-броскам. Но бой слишком сильно уменьшил потенциал боевых роботов, ставших теперь просто куском черного металла неизвестно как еще державшихся на ходу.

– Ты считал потери?

Войтенков откинул повязку и последний раз затянулся сигаретой после чего отчитался.

– Абсолютных минуса – двое. Еще один на пути к ним. Я помог медикам вытащить его из кабины, но там... – он махнул рукой.

– Что там?

– Его разрезало пополам. Все было вывернуто наружу. Врачи вкололи ему медпак, чтобы он не помер до госпиталя, но мне кажется, что старина уже не жилец.

– Ты докладывал на базу?

– Нет.

– Хорошо. Вернемся к машинам. Нужно посмотреть на все с мостика.

И вид на поле боя открылся поистине масштабный. От леса не осталось почти ничего. Огромная площадь лесных насаждений оказалась повалена, словно несколько минут назад по этому месту прошелся невиданной силы ураган. Вековые деревья были вырваны из земли и лежали, подняв массивные корни в небо. Кое-где еще догорали мелкие кустарники, которые с высоты боевой машины казались лишь маленькими огненными точками.

Воздух здесь был лучше. По радиии передали, что противник отошел на свои позиции и хорошо укрепился, стараясь держаться на почтительном расстоянии от основных сил клана. Нам лишь оставалось собрать с поля боя то небольшое, что еще могло послужить клану и группе для восстановления потерь.

Я вернулся в кабину пилота.

– Доложи состояние меха.

Войтенков ответил не сразу.

– У меня серьезные повреждение корпуса в районе реактора, но броня выдержала. Есть значительные потери силовой установки, поэтому мой максимум на сегодня лишь пятьдесят процентов от возможного.

– Маловато.

– Сам знаю, старик, но без серьезного ремонта, я ничего не смогу сделать. Температура в реакторе скачет как ошалевшая. Я даже отсюда чувствую как горячо там.

Секундная заминка.

– Что-нибудь еще?

– Да, я распорядился, чтобы двое наших остались на месте для патрулирования, пока инженеры и механики будут собирать разбросанный лом. Все это дело пойдет на переплавку. В остальном же все как обычно.

– Хорошо. Давай на базу, а я пока гляну что у меня.

Связь с Войтенковым оборвалась. Я переключил систему в режим диагностики и пока ждал отчета, краем глаза увидел как "Черный Ястреб" моего старого друга сдвинулся с места.

Тяжело переставляя свои могучие ноги, робот едва держал равновесие, то и дело опасно кренясь в сторону. Шаг. За ним следующий. Правая часть была полностью беззащитной – броневые листы и динамическая защита отсутствовали напрочь и даже с такого почтительного расстояния я мог видеть искрившуюся проводку, тянувшуюся от силовой установки и распределявшей энергию во все жизненно важные узлы.

В бою такое был могло привести к гибели машины и пилота, но сейчас, когда шум выстрелов и взрывы остались позади, "Ястреб" мог ничего не бояться и в таком неуклюжем темпековылял еще очень долго, пока не скрылся за спинами более уцелевших собратьев, также шагавших обратно на базу.

Система произвела проверку узлов. Отчет готов.

На панели высветилась трехмерная модель боевого меха. "Бешеный Кот" в этот день в очередной раз доказал, что он не зря любим многими опытными пилотами. Пройдя проверку огнем и временем, его броня порой спасала от таких попаданий, после которых многие из машин просто теряли способность двигаться и вести ответный огонь.

Корпус был относительно цел, если не считать зияющую дыру в боку и несколько вмятин, то бой для меха прошел относительно спокойно. Короба с ракетными установками дальнего– и ближнего действия, находившиеся по правую и левую сторону его "плеч" – пусты. Орудия исправны. Вот только гидравлика и система охлаждения оказались не в самом лучшем состоянии.

– Плохо – сказал я сам себе, понимая, что о быстрой дороге домой можно забыть. На естественном охлаждении такая громадина далеко не разгонится, а учитывая расстояние и почву под ногами, путешествие могло растянуться на несколько часов.

– Ты скоро? – вдруг появился голос Войтенкова. – Радары показывают, что ты еще даже с места не сдвинулся.

– Да, – коротко ответил я, – закрывая отчет и готовя машину к движению. – Не жди меня, я тебя не догоню.

– Охлаждение? – как будто читая мои мысли, сказал Войтенков.

– Большая часть жидкости вылилась. Баки пробито осколками.

– Плохо, черт бы его побрал.

– Ну да ладно, не впервой.

На этом разговор закончился. Машина была готова к движению. Система подключила резервные мощности, по корпусу прошла волна привычной дрожи, когда металл начинал вибрировать, словно мышцы живого человека, после хорошей тренировки. Двигатель подал энергию на движущиеся узлы и спустя секунду правая нога меха сделала свой первый после-боевой шаг.

Поле битвы остывало от жара и крови, пролитой несколькими часами ранее. Испытание Права Владения длилось четвертые сутки и уже сейчас становилось понятно, что победа ускользает из рук Клана Волка, на стороне которого воевало подразделение наемников. Заявка была очень рискованной. Силы обороняющегося противника почти вдвое превосходили атакующих, как качеством состава, так и самих машин. Что можно было сделать, когда в прямой видимости появлялись с десятков сверхтяжелых машин, чья лобовая проекция была защищена от всего, что только могло быть? Почти ничего. Снаряд за снарядом взрывались на корпусе

"Громовержца" не оставляя на нем практически никаких повреждений. Хлопушки – разочаровано говорил Войтенков, отсчитывая количество гильз, выпадавших из специального лотка под ноги боевой машины и одновременно уворачиваясь от летевших в его сторону ракет. Все было тщетно. Командование надеялось вымотать противника и одним ударом с фланга заставить оборону расколоться, однако в планы почти всегда вмешивалась погода. Дважды за эти несколько дней разведывательный отряд из четырех "Рысей" пытался совершить маневр в обход укрепрайона, но всякий раз тонул в зыбких песках, будто в пустыне засасывавших все, что попадало в них. Дождь, слякоть, ночью жуткий холод, опускавшийся на планету и превращавший все это в хрустевшее стекло, звук от которого разносился далеко вперед и выдававший местонахождение любой скрытной группы. Задача стояла очень сложная и выполнить ее было первостепенной и главенствующей на данный момент в планах руководства клана.

До базы оставалось несколько километров, как в эфир ворвался голос Войтенкова.

– Долго тебя не было.

– Я уже на подходе.

– Вижу. Радары ведут тебя еще с самого русла. Твоя крейсерская скорость упала почти вдвое.

– Я же сказал, у меня пробиты баки. Температура в реакторе слишком высокая. Я не могу рисковать.

– Да, ты прав.

На секунду наступило молчание. Я еще раз проверил показание термометра и вывел всю необходимую информацию на панель.

– Ты уточнил насчет потерь?

– Да, – грустно отозвался Войтенков. – Никитин выпал из строя на неопределенное время. Еще один умер прямо на столе у врачей. Это тот, про которого я говорил еще на поле.

– Да, я помню.

– Остальные вроде как ничего, но они устали. Нужно все обговорить. Руководство Клана собирает Совет и хочет, чтобы мы присутствовали на нем.

– Зачем?

– Сложно сказать. Я знаю, что наемников обычно не посвящают во внутренние дела Кланов. Но сейчас видимо другое время и им нужно знать мнение каждого, кто воюет на их стороне.

– Сходи за меня.

– Ты уверен?

– Да.

– Хорошо, думаю, они не будут против.

Вскоре его голос пропал и на смену ему пришло радиошипение, мерзко врезавшееся в уши во время движения.

Весь оставшийся путь прошел в полной тишине. Яркие лучи прожекторов, встретившие меня у входа, скрестились, и чей-то громкий голос, вещавший откуда-то сверху, потребовал остановиться для предварительного осмотра.

На корпусе имелось несколько отметин – своего рода знаки отличия для громадных машин, по которым каждый желающий мог определить принадлежность боевого меха к Клану, его возраст, боевой опыт пилота и статус, которым тот обладал среди остальных воинов. Но сейчас, после боя, когда на корпусе все было черным-черно от сажи и осколки снарядов, а так же отметины лучевого вооружения, буквально изрезали машину вдоль и поперек, разобрать в опустившейся тьме ночи, что там было начертано оказалось почти невозможно.

– Выйди на мостик! – все еще вещал голос сверху.

Я встал с кресла, расстегнув ремни безопасности. Открыл люк и выбрался на поверхность, где сразу попал под перекрестный свет нескольких особо мощных прожекторов и ско-

ывающего холода. Они били ярко, так ярко, что мне пришлось закрыть лицо рукой и смотреть в сторону "голоса" лишь из-под лба, стараясь избегать света.

Прошла минута. Температура падала все ниже и стоять на месте становилось все более опасно.

– Долго шли, командир.

– На то были причины, – в ответ крикнул я, не убирая руку от лица.

– Можете следовать установленным маршрутом. В боксе вы получите всю необходимую техническую помощь.

Огромный комплекс. Несколько десятков квадратных километров стали и бетона. Два корпуса жилых помещений, бесчисленное количество складов, громадные боксы, снабженные всем необходимым для обслуживания и ремонта боевых машин прямо с боя, космопорт и еще черт знает что. Система охраны и слежения, установленные по периметру комплекса, замыкали и без того хорошо охраняемую зону от внезапного нападения, а постоянные патрули лишь довершали общую картину, которую можно было описать всего несколькими словами – полная безопасность.

Здесь постоянно что-то строилось, обустривалось. Нельзя было сказать, что хотя бы один день прошел просто так. Нет. То и дело где-то возникали новые здания, охранные пункты, вышки слежения и многое другое. Как грибы после дождя вокруг ограждения поднимались ДОТы и минные заграждения, казалось, Клан тратил на все это немыслимые ресурсы, что шло вразрез с негласным правилом: экономить на всем, на чем только можно. Но обученный горьким прошлым, Клан Волка никогда не жалел денег на безопасность и идя вперед, решая территориальные вопросы, первым делом решал вопрос безопасности.

– Ну вот, – послышался голос Войтенкова, когда машина наконец встала в бокс, испустив причудливый свист и наконец заглухнув.

Я выбрался на поверхность, ожидая когда персональный лифт поднимется на верх и я смогу войти в него. Снизу машина выглядела очень плохой. Броневые листы налипли один на одного, после попадания в корпус машины протонно-ионного излучателя. Луч вошел почти под прямым углом и прожег броню насквозь, заставив толстые листы расплавиться, как кусок масла, и стечь тоненькими струйками вниз ближе к ступням. Дыра была поистине огромной. На глаз диаметр был ничуть не меньше двух-трех метров, но и этого оказалось достаточно, чтобы повредить систему охлаждения и почти задеть реактор.

– Проклятье. – Войтенков подошел ближе, когда я вышел из лифта. – Тебе не стоило лезть на рожон. Посмотри, что стало с машиной.

– Я был впереди, что мне еще оставалось делать? – потом с секунду помолчал и продолжил. – Что сказал Совет?

– Они обеспокоены.

– Правда?

– Да, – Войтенков кивнул головой. – Руководство Клана дало Хану Диккерсу неделю на завершение Испытания на Право Владения. Прошло четыре дня, а Клан Волка уже понес слишком серьезные потери в этом споре и конца и края ему не видно.

– Они не отступят? – поинтересовался я, хотя знал ответ.

– Скорее Хан Джером Унисон признает себя дезгрой, чем Клан сделает это.

Войтенков осторожно осмотрелся – в боксе было пусто, но говорить подобное вслух было опасно для жизни.

– Значит нужно готовиться к еще одной мясорубке. – я сделал шаг в сторону.

Вскоре появился и механик. Молодой паренек, всего восемнадцати лет от роду, он был высок, смугл и чем-то похож на моего первого инструктора, только на двадцать лет моложе. Казалось, он был болезненно худощав, но в этих жилистых руках и вытянутом, как у богомола, теле, хранилось куда больше силы, чем могло казаться на первый взгляд.

Его привязали ко мне сразу, как только территориальный спор между Кланами вошел в свою горячую стадию. Прибыв на базу в составе бинария, мальчугану мало что довелось видеть и весь его мир сосредотачивался на болтах и гайках, крутить которые ему приходилось почти каждый день.

– Я прибыл как только мог, – юношеским голосом отрапортовал механик, приставив руку к непокрытой голове.

Я дал сигнал Войтенкову, что разговор о прошедшем еще будет продолжен, а сейчас мне стоило рассказать, чего я хотел от своего механика, ведь работы для него было очень много.

– Вас здорово потрепало.

Взгляд оценивающе скользнул по остывшему корпусу машины и остановился на самых тяжелых повреждениях.

– Это ведь ПИИ? Я прав?

– Да, – одобрительно кивнул головой.

– А это РДД? Характерные следы.

Смышленный парень. Жаль, что он не смог стать воином, кто знает, может быть именно он помог бы решить судьбу Клана в недалеком будущем.

– А это шрапнель. Но не близко. Взрыв был далеко, вас только задело.

– Почему ты так решил? – не без любопытства поинтересовался я, идя в след за механиком, на котором роба была слегка великовата и подобрана в спешке, как будто человек, ранее носивший ее, умер и ему не оставалось ничего как взять со склада то, что было.

– Видите это, – он указал на продолговатые отметины. – Начинка прошла по касательной. Взрыв был далеко, наверное мина или фугас. Мех задело лишь отчасти и поэтому не причинило никакого вреда.

– Откуда такие познания, парень, ты ведь никогда не выходил в бой?

Он опустил взгляд.

– Я много читал.

– Разве это разрешено?

– У нас было много литературы в учебном центре на Лире. Я прочел ее всю. Инструкторы закрывали глаза на это, поскольку половина из сиб-группы отсеклась уже на второй месяц.

– О чем именно ты читал?

– Типы повреждений, характерные следы, отметины. Воспоминания воинов прошлого, ТТХ мехов Клана и многое-многое другое. Каста техников – это особый слой. Хотя мы и не воюем напрямую, но именно от нас зависит подготовка мехов. Однако это мало кто ценит, считая, что так и должно быть.

Мальчуган опустил взгляд, потом коснулся ладонью обгоревшей броневой плиты и опять заговорил.

– Как там все прошло? – вдруг выпалил он, широко открыв глаза. – Я слышал грохот. Он доносился до базы с невероятной силой. У кого-то взорвался реактор?

Я вспомнил взрыв во время боя. Характерный, самый страшный, который только мог произойти в пылу сражения. Стая ракет впиалась в разодранный "Лиходей". Судьба его решилась быстро. Короткая вспышка, потом детонация оставшегося боекомплекта. Динамическая защита не смогла отклонить веер стремительно опускавшихся ракет, после чего реактор рванул, разбросав остатки меха на несколько километров вокруг. Мы все это видели. Облако пыли, грязь, гриб из пепла и песка. Ударная волна, расплывшаяся во все стороны, едва не опрокинула боевой робот. Он накренился, я автоматически дернул штурвал в противоположную сторону и перевел мощности на второй край, дав возможность двигателям выровнять положение и не дать случиться худшему.

– Я думаю это тебя не касается... – потом замялся, понимая, что не могу вспомнить имя своего техника.

- Уильям, меня зовут Уильям, но друзья по сиб-группе всегда звали Билл.
- Да, Билл. Займись лучше моим мехом, а бой оставь мне. – я уже собирался уходить, как он вновь окликнул меня.
- Но ведь он был, правда? Скажите, ведь был?
- Мне пришлось остановиться.
- Да, – коротко ответил, после чего продолжил идти.

Офицер молча посмотрел в мою сторону. Вроде все как всегда. Протокольные нюансы, бумажки, записи в отчет и многое другое. Потом наклонился, чтобы сделать последнюю пометку и обратился ко мне.

- Что ты можешь о нем рассказать?
- О ком?
- Твой техник, – офицер откинулся на спинку кресла и немного повернулся на бок. – Ты говорил, что у вас с ним наладились дружеские отношения.
- Он был мне как сын. Странное чувство, но за время, что я пробыл на той базе и воевал на стороне Клана Волка, мне почему-то приглянулся этот паренек. Его тяга к машинам – клянусь, он разбирался в железе лучше, чем я. Мог одним взглядом дать оценку повреждениям любой машине, а потом немедленно приступить к ее ремонту. Это же бесподобно! Таких мало где можно было найти и самое печальное, то, что сам он до последнего жалел, что не прошел Аттестацию и вылетел за долго до ее начала.

- Ты знаешь как это случилось?
- Да, – я попытался вспомнить все детали. – Мне удалось заполучить личное дело Билла и ознакомиться с ним. Небольшая папка, – я выпрямил большой и указательный пальцы, указывая на толщину содержимого.

- Расскажи.
- Он прибыл на Лиру еще юнцом. Сиб-группа, двадцать человек – половина мальчиков, половина девочек. Ничего особенного. Согласно сопроводительным документам, все они были "детьми" Кайла Моргана и Екатерины Долговой. Вторая партия. Первая за три года до этого ушла на Майлз-12 и спустя время пополнила ряды штурм-легиона. Дальше их путь я не отслеживал. Уильям шел вторым с конца, согласно "описи" инструктора Диллана и как он сам выражался "вызывал крайнюю неприязнь, выливавшуюся в агрессию по отношению к сибу". Этот Диллан называл его браком. Исключением, когда еврическая программа давала сбой и среди отборного материала почему-то появлялись подобные ему. Парень был умен, соображал быстрее своих сверстников и усваивал информацию в любых объемах за считанные минуты, но вот физические данные: сила, ловкость, выносливость, и многое другое, без чего будущий пилот просто не мог обойтись, были его слабым местом. Диллан не стал церемониться и вышвырнул мальчика на вторых предварительных Испытаниях.

- Разве еврическая программа не отсеивает таких еще на стадии тестирования?
- Не знаю, – я пожал плечами, глядя в распахнутое каменное окно, где теперь нельзя было ничего разглядеть из-за навалившейся тьмы. – Я не генетик, меня учили смотреть в электронный прицел, а не в микроскоп. Однако парень мне понравился.
- Только этим? У нас было много толковых техников.
- Толковых много, таких как он – больше нет.

Офицер вернулся к своим делам.

- Ты сказал, что Совет был обеспокоен ситуацией. Что они говорили?
- Не знаю. На заседании присутствовал Войтенков. Он лишь сказал, что хан Диккерс был вне себя от ярости. Неделя на все, из которых четыре дня сплошные потери. Клан потерял уничтоженными два звена, еще три тяжелых меха нуждались на тот момент в серьезном ремонте,

в то время как разведка не могла даже приблизительно оценить масштаб ущерба нанесенного Клану Отпетых.

– В чем ты видел провал Испытания на Право Владения?

– Мы плохо подготовились. Клан Волка недооценил противника, считая, что находясь вдали от своих родных мест, Отпетые банально не смогут закрепиться на столь неудобном участке планеты. Плюс, отсутствие прямого снабжения. В самом начале я даже понимал хана, почему тот выставил столь рискованную ставку, уменьшив количество сил со своей стороны чуть ли не вдвое, но потом, когда мы впервые встретились лицом к лицу с противником, мое мнение кардинально изменилось.

– Почему? – офицер внимательно слушал, отложив в сторону ручку и бумагу.

– На их стороне был не только численный перевес и сила сверхтяжелых мехов. Они очень грамотно оборонялись. Стреляли только наверняка, отрезая тяжелые машины от легких и расстреливая каждую из них из определенного типа вооружений. Никогда не лезли на рожон и всегда сторонились лобового боя, укрываясь за каменными холмами планеты. Я за четыре дня увидел перед собой только восемь машин противника. Восемь из двадцати шести. Они даже не сражались на полную мощь, в то время как мы разбивали себе лбы, пытаясь пробиться через первую линию обороны.

– К чему ты клонишь?

Я усмехнулся, не торопясь с ответом. Потом вопрос повторился и на этот раз более серьезно.

– Мы на допросе, старина, не заставляй меня силой вытаскивать из тебя показания.

В этот момент в кабинет вошел охранник. Едва переступив порог, высокий смуглый мужчина выпрямился, как струна, и тут же доложил.

– Извините, что отвлекаю, я знаю, что сейчас допрос, но на втором ярусе беспорядки. Требуется ваше вмешательство.

– Что за черт?! – недоумевая выкрикнул офицер, приподнимаясь со своего места.

– Вам лучше прибыть на место лично. Я присмотрю за преступником.

Офицер нехотя поднялся, накинул на плечи китель и направился к выходу, где вскоре пропал, оставив после себя длинный шлейф сигаретного дыма, тянувшегося за ним, как нитка за иголкой.

II

Время всегда играло против нас.

Моменты жизни любого пилота можно было разделить на несколько частей: рождение, когда металлическая утроба евгенической лаборатории выплевывала на свет новоиспеченное чадо, концентрированное нечто, где сплелись гены тех лучших, что когда-то отдали жизнь на алтарь служения Клану, потом подготовка, переброска на планету-полигон и следом Аттестация. Достаточно просто для людей, которые с самого рождения жили мечтой о славе.

Или о смерти.

Сиб-группа мало чем отличалась от многих, что давным-давно, еще на заре эпохи великих войн и легендарных сражений, ступили на пустынную планету Ут, где температура никогда не поднималась выше восемнадцати градусов по Цельсию и ветры, бушевавшие по всей ее поверхности, подхватывая песок, наждачным полотном проносились по округе, скребя и больно режа молодую, еще не успевшую огрубеть, кожу едва оперившихся подростков.

Я помнил тот день как будто это было вчера.

За спиной завопил двигатель – транспортный корабль, похожий на сгорбившегося старика и прозванного из-за своей сутулости "жуком", сложил металлические крылья, выпустив в воздух последнюю порцию отработанной энергии.

Было холодно.

Жутко.

Мы сбились в круг, как стадо овец в холодную ночь, думая, что таким образом сможем согреться все вместе, но вскоре рассыпались в стороны, гонимые налетевшем неведомо откуда ветром.

Он шумел и крутился. В небе появилась воронка и дьявольские искры молний, расколов небесную твердь, расплзлись вдоль чернеющих облаков причудливым узором.

Да, мы все это помнили.

Сколько нам было? Пятнадцать лет.

Я помнил свой первый шрам, полученный после удара кнутом, помнил все команды инструктора и то, как злобно он взирал на каждого из нас, будто выискивая очередную жертву для своих испытаний.

Бег, затем короткая остановка.

– Упор лежа принять!

И вся группа, как один живой организм рухнула на каменную землю, ударяясь руками об острые края разбросанных глыб.

Кровь.

Пот.

Крики о помощи.

– Отжимаясь отдыхаем!

Затем бег, опять короткая остановка.

Он был стар, если такое слово вообще было уместно для человека, счет жизненных лет которого был неизвестен нам до самого конца. Многочисленные складки на его лице, будто запечатлевшие в себе всю суровость и злость этой планеты, испещрили его физиономию. Он был настоящим воплощением страха и ненависти, которое тот испытывал ко всему живому, что прибывали на эту планету.

– Раз-два! Раз-два!

Муштра не кончалась.

Стихая ближе к вечеру, она возобновлялась с новой силой утром.

– Раз-два! Раз-два! Не вижу ваших радостных лиц!

Ни мне, ни кому бы то ни было так и не довелось узнать его имя.

– Зовите меня инструктор.

Короткое имя, звенело машинным голосом в его горле, отдаваясь от металлических стен наспех построенных бараков и наводя ужас на парней и девчонок, так близко похожих друг на друга.

Отец – Эдвард Гувер, высокий мужчина средних лет. Я видел его фотографию только однажды, в кабинете мамы – так мы называли единственную женщину в нашем окружении, учившую нас всему, что требовалось егенической программе сразу после рождения. Она мало говорила о наших родителях, почти не распространялась о том, что все мы одного поля ягоды и должны называть друг друга братьями и сестрами, вместо "сиб", столь странного и мало о чем говорившего нашему детскому слуху названия. Гувер погиб. Погиб как герой, впрочем как и все те, кто своими подвигами заслужил право быть источником новых поколений настоящих воинов. Про мать я так ничего и не узнал. Кто знает, может это и было к лучшему, ведь в каждом из нас была частичка наших предков, подаривших нам жизнь и впусивших в этот суровый мир...

В тот день инструктор вызвал меня к себе поздно ночью. Сразу после отбоя, когда ветер за стенами бараков выл, словно изголодавшийся зверь и на улице можно было схлопотать десяток порезов от поднятой металлической шелухи, взвинченной в смертоносный вихрь местным ветром, я все же не мог сказать "нет" и, прикрывшись плащом, направился вперед, согнувшись и двигаясь все дальше от моего нового дома.

В конце концов я чуть было не заблудился. Видимость упала почти до нуля и каждый шаг был шагом в неизвестность.

– Ты опоздал, – коротко произнес инструктор, когда я смог переступить порог его дома.

Здесь было тепло – не в сравнение с тем местом, где пришлось ночевать нам всем. Горела лампа, в углу стояла небольшая, но аккуратно заправленная кровать. Несмотря на поздний час она так и не было раскрыта, а сам инструктор не желал ложиться спать, оценивающе поглядывая в мою сторону.

– Ты опоздал, – повторил он, вырывая из моих рук плащ и стряхивая на пол жмени песка, осевшего в складках одежды, после чего вернулся обратно за стол.

– Я шел так быстро как мог.

Он согнул руку и посмотрел на наручные часы, потом взглянул на страницу журнала после чего заявил.

– Время 01:28, вызов был сделан 01:10, от барачков до меня не больше шести минут хода "вразвалку".

– На улице ураган, – попытался оправдаться.

– А мне какое дело?

Его взгляд стал враждебным и в воздухе тут же возник металлический блеск, больно ударивший мне по лицу.

Я так и не понял, как он успел это сделать. Не смог увернуться, не смог отбежать, чтобы не получить этот удар, но в миг, когда по щеке потекла кровь и слезы вопреки моему желанию упали из глаз, я осознал какую ошибку допустил, когда попытался открыть свой рот.

Все случилось очень быстро. Он вскочил со своего места, следом бросился ко мне и только вовремя поднятые руки, скрепленные в защитном блоке, смогли погасить часть тех мощных ударов, что обрушились на меня после хлесткого удара кнутом.

В конце концов, когда наказание подошло к концу и силы, мои и его, иссякли окончательно, я уже не мог стоять на ногах. Он схватил меня за шкуру, выволок за пределы помещения и вышвырнул на улицу, крича и матерясь, что в следующий раз я так легко не отделаюсь.

Ветер усиливался. Песок больно резал глаза и плащ, оставшийся там, с другой стороны дверей, мог бы помочь мне.

Я возвращался с чувством горького сожаления. Слез не было, я боялся плакать, боялся, что песок налипнет на мокром лице и станет еще только хуже. Шел обратной дорогой едва держась на ногах, двигался очень медленно, ориентируясь исключительно на тусклый свет охранных фонарей, блекло мигавших в самом конце пути. Уже у входа в барак я чуть было не упал – так сильно ноги пострадали после ударов инструктора, что мышцы чуть ли не кричали от боли и содрогались от малейшей нагрузки.

– Что случилось? Как ты?

Она встретила меня тем самым приятным голосом, что каждый из нас помнит до самой смерти. Звонкий, но в то же время по-матерински тихий, затрагивавший какие-то внутренние струны души и заставлявший успокаиваться даже в самые тяжелые минуты жизни.

Я лег рядом с ней, на отдельную койку, стоявшую в углу и прикрытую небольшим тонким махровым одеялом. Девушка приподнялась, взглянула на меня и включила ручной фонарик, спрятанный ею во внутреннем кармане-секрете еще во время погрузки на транспортный корабль. Свет больно ударил в глаза – она чуть было не закричала. Потом выпрямила руку и дотронулась до набухшей щеки, начинавшей приобретать черно-синий оттенок. Глаз слегка заплыл, но смотреть было возможно. Я держался руками за живот и едва мог говорить, ведь каждый вздох или того хуже – кашель, чуть ли не вырывал нившие ребра, размятые мощнейшими ударами инструктора всего несколько десятков минут назад.

– Он бил тебя?

– Да, – кивнул я, осматриваясь по сторонам и слыша, как начинают просыпаться остальные сиббы.

– Почему?

– Я опоздал. Потратил слишком много времени.

Гул от ветра пробивался даже сквозь стены барака. Девушка обратила на это внимание и немного наклонила фонарик вниз, чтобы он не бил так ярко.

– Но на улице такая погода.

– Я знаю.

Внезапно ко мне подошел Антон. Мальчуган всегда был немного неуклюж, как бегемот, грузно выползавший из пруда на сушу, двигался рывками и чаще напоминал робота, чьи шарнирные соединения давно требовали смазки, но в этот раз он как-то ловко перепрыгнул через стоявшие койки со спящими сиббами и сразу оказался возле меня.

– Дай сюда.

Он выхватил фонарик из Светы, направил его яркое пламя мне прямо в лицо и чуть было не рассмеялся, видя что сейчас представляет собой некогда приятное личико молодого парнишки.

– Похож на отбивную в нашей столовой.

– Разве так можно, Антон. У него кровь.

– Ну и что? Подумаешь. У нас у всех была кровь.

– Но он бил его ни за что!

– Тихо ты!

Я выпрямил руку и взял фонарик себе.

– Хватит, – сказал я, выключая гася яркий луч. – Нужно спать. Завтра он вернется и все начнется по новой.

Наступило молчание. Кто-то из противоположного угла проснулся от нашего разговора и мерзко выругался, потребовав "заткнуться и спать". В этом голосе я узнал Виктора. Узнали его и остальные, послушно разойдясь к своим кроватям и тут же спрятавшись под одеяло.

– Тебе больно, правда? – спросила она украдкой, говоря почти шепотом.

– Мне больно, Света. Очень больно.

– Бедненький. – он протянула руку и погладила "шишак" на щеке, касаясь своими тоненькими пальчиками, приятное тепло которых тут же отозвалось непроизвольным сокращением мышц по всему телу.

Она была красивой. Почти идеальной, как мне могло казаться на тот момент, ведь на протяжении всей нашей жизни, начиная от зачатия и рождения внутри металлической утробы и заканчивая этой ночью, я постоянно видел ее рядом с собой. Ее красивые голубые глаза и лицо, сочетавшее в себе все самое прекрасное и идеальное, вызывали у меня чувство притяжения, которое нельзя было заглушить никакими средствами. Она, как магнит, всегда притягивала к себе, а я и не пытался сторониться, всматриваясь в ее глаза и понимая, что в какой-то степени смотрю в лицо своей матери, которую никогда уже не увижу.

Мы все были похожи друг на друга. Словно близнецы, каждый из нас хранил в себе частичку отца или матери, отразившихся на нашей внешности. Кто-то был высок и смугл, как отец, у кого-то кожа оказалась белой, словно снег, подобно той, что, наверное, была у матери. И глаза! Голубые. Густые русые волосы. Я унаследовал от матери больше, чем того предусматривала евгеническая программа и лишь физические данные: сила, выносливость, быстрота реакции, коей славился мой отец, оказалось во мне развито гораздо сильнее чем у других. Но внешность играла большую роль.

Я помню день, когда попросил свою мамашу показать фотографию отца поближе.

Она встала со своего места, нехотя проследовала до стены, где висела фотография моего давно умершего отца и, сняв маленький портрет, поднесла ко мне.

Тогда я впервые смог разглядеть его лицо поближе.

Мужчина средних лет, с длинным шрамом, протянувшимся по лицу, как будто бритвенно-острым лезвием невидимая рука полоснула его. Прямой взгляд, едва заметная щетина и скол на подбородке. Я так и не узнал откуда он взялся, да и был ли в этом смысл, когда его гены были во мне, как часть громадной мозаики, моя натура, характер, даже внешность и черты лица были воплощением его самого во мне и в тех сибах, что спали рядом в старом бараке, наспех построенном из подручных материалов другими сиб-группами до нас.

Утром "шишак" немного уменьшился в размерах, но все еще был огромен. Некоторые братья-сибы посмеивались надо мной на предзвездном марш-броске, но я старался не брать в голову подобное, осторожно поглядывая в сторону инструктора.

– Раз-два! Раз-два! Шире шаг!

Он бежал параллельно нашей колонне и не отставал даже на шаг. Несмотря на мерзкую погоду и низкую температуру, отчего изо рта во время дыхания вылетал пар, инструктор бежал по пояс голый, показывая всем нам, что никакая погода не может остановить его, если он сам этого не захочет.

У финиша, когда мы свалились без сил возле громадного валуна, закатившегося сюда с небольшого крутого пригорка, он дал нам слегка отдохнуть.

Дышать в окружавшей со всех сторон песчаной буре было почти невозможно. Легкие надувались, как кузнечные меха, а инструктор даже не думал останавливаться.

– Самое главное, кадеты, это ваше тело. Оно ваше оружие и вы должны уметь с ним обращаться. Слабость, хлипкость, неумение дышать во время длительного марш-броска, а так же неумное жранье во время обеда перед броском – все это делает вас уязвимыми перед обстоятельствами. Будущий пилот в первую очередь должен рассчитывать только на себя. Мех не сдвинется с места, если внутри не будет живого пилота. Вы не сможете прицельно вести огонь, если взгляд ваш будет "замылен", а сердце в груди трепыхается, словно белка в колесе. Научитесь понимать свое тело и подчинять, тогда и управление шестьюдесятью тоннами смерти покажется вам простым развлечением.

Он еще долго говорил нам о правилах, о том, что нас ждет и как все это пройдет. Говорил и о тех, кто не сможет пройти до Аттестации и упадет, как сгнившие гроздья, пополнив ряды низших каст.

Это вызывало страх. Мы все знали, что этот день наступит, что однажды нас поставят перед фактом и натравят друг на друга, заставив сражаться на поле боя за заветное право носить звание пилота боевого меха. Но то, что из двадцати человек, детишек, едва успевших понять как им жить дальше, до Аттестации дойдет от силы пять-шесть, а сдать и вовсе смогут лишь единицы, стало для каждого из нас потрясением.

Он ждал нашей реакции, но сил не было даже на то, чтобы отреагировать на сказанные им слова.

Потом инструктор разделил нас на пары и распределил на открытой местности, поглядывая в сторону надвигающейся бури.

– У вас будет шанс, прямо сейчас, на своем примере доказать мне, что вы не зря несете в себе гены великих. Покажите на что вы способны и в будущем Клан вознаградит вас, если вы, конечно, будете достойны этого.

Потом наступило молчание.

Он встал неподалеку и подзывал по одной паре к себе в импровизированный круг, где через секунду начинался бой.

Парень с парнем, девушка с девушкой, иногда, когда ему хотелось изюминки, он плевал на правила иставлял разнополюе пары на бой, наблюдая, как начинается заведомо неравный бой. Тех, кто отказывался бить своего соперника, тут же наказывал ударами кнута. Несколько

раз витиеватый хвост ручной змеи вздымался вверх, а потом со свистом опускался на плечи парней.

Крик и боль.

Затем снова приказ сражаться.

Кто-то соглашался, кому-то было все равно и он отказывался поднимать руку на неравного соперника. И только Виктор безо всяких слов выходил против любой из девочек-сиров, нанося размашистые удары, будто ударяя кувалдой. Через несколько минут песчаная арена оказалось алой от пролившейся на ней крови.

Марина и Джейна не смогли покинуть круг самостоятельно и девочек буквально на руках вынесли те, кто отказался биться в таких условиях.

Хотя политика Клана и была против такого, но в реальном бою пол не имел значения. Иной раз женщины проявляли себя куда лучше, чем мужчины, но здесь, когда нам всем не было еще и двадцати, схватка напоминала кровавое побоище. Ни одна из девушек не смогла победить своего оппонента. Лились слезы, текла чужая кровь, а он продолжал вызывать на бой сформированные пары.

– Последняя двойка! – прокричал инструктор, сжимая в руках окровавленный кнут.

Я посмотрел на Свету и тяжело вздохнул.

– Я постараюсь не бить.

– Он все равно увидит и тебе достанется больше всех.

Мы вышли в круг, встали один против одного и бросились в центр по команде, где сцепились в драке, будто и не было между нами никакой симпатии. Она билась так сильно как только могла. Силенок ее едва хватало на то, чтобы нанести мне какую-то боль. Я старался тянуть время, поддавался, уворачивался, бросал ее на землю и уходил назад, выжидая момент, когда инструктор остановит бой. Но он не останавливал. Он будто читал мои мысли и только подгонял, выкрикивая всякие гадости в мою сторону и подстегивая к кровопролитию.

В воздухе то и дело возникала черная змея. Хлыст разрезал пространство над головой, мерзко стрекоча, потом улетал обратно и вновь оказывался в руках инструктора.

– Где удары, салага! Я не вижу твоего "контакта".

Наконец, настал момент, когда Света уже не могла стоять на ногах. Силы ее подошли к концу и мне просто требовалось нанести последний удар, чтобы все прошло как надо.

Она кинулась ко мне, выбросив руки вперед и на лице ее появилась злоба. Что это было? Почему она так сделала? Но перед тем, как чужой кулак встретил ее и маленькое тельце рухнуло на каменную поверхность планеты-полигона, удар хлыста, возникший из ниоткуда, оказался неминуем.

Огненная резь коснулась спины, отчего вся кожа натянулась, будто на дубильном станке. Я закричал, закрутил руку за спину и попытался коснуться того места, но не успел. Ноги подкосились. Перед глазами все поплыло. Следующее, что я почувствовал была каменная земля, соприкоснувшаяся со мной во время падения.

Конец.

На этом все и закончилось.

Из груди вырвался стон. Огненная боль, растекавшаяся по всей спине вдоль позвоночника, не думала стихать. Сжав зубы из последних сил, я попытался подняться. Открыл глаза и, едва оторвавшись от земли, тут же был вбит в нее сапогом инструктора.

Его лицо мне запомнилось на всю жизнь. С тех пор прошло почти четыре десятка лет, а этот взгляд и смех снится мне по ночам. И тот бой, и кровь, и боль, и шрам, сохранившийся до сей поры. Все это осталось со мной, даже спустя столько лет.

Он прижал меня к земле, распустив черную змею в своей руке и давая ей опуститься мне на шею. Потом посмотрел на лежавшую рядом Свету и вскинул хвостатое чудовище вверх. Воздух над головой вспыхнул – кнут рассек пространство, смертельно изогнувшись, потом

пролетел еще несколько метров и врезался в землю у самой головы, раздробив лежавший на том месте камень.

Это было предупреждение. Возьми он слегка левее и вместо камня раскололась бы моя голова. Света простонала. Я повернул голову и увидел как она встала, пошатываясь из стороны в сторону и держась руками за ребра. Песчаная буря была уже рядом. Ветер вокруг усилился до невозможности и вскоре, спустя каких-то десять секунд, непроглядная стена пыли накинута на нас, поглотив под собой импровизированную гладиаторскую арену и всех кто находился рядом.

Девушка упала, не выдержав сильного ветра. Рухнула почти на то самое место, откуда с таким трудом смогла подняться. Я попытался встать и помочь ей, но нога инструктора крепко прижимала меня к земле. Удивительно, но несмотря на шквальный ветер, режущий песок, превратившийся из безобидной осадочной горной породы в смертоносную наждачную бумагу, мужчина не сдвинулся с места. Он стоял, словно каменное изваяние, не чувствуя боли и страха перед стихией.

– Видишь! – кричал он, поглядывая на меня своими красными от прилившей крови глазами. – И так будет каждый раз, если ты вздумаешь дурить меня, салага!

Он вытянул руку с кнутом в сторону Светы, указал на нее и снова заорал во все горло, пытаясь перекрыть шум свистевшего ветра. – Отныне и впредь, вы будете драться друг с другом всякий раз, когда я захочу этого! Теперь никаких правил, никаких условностей, только настоящий бой, из которого должен выйти лишь один!

Затем он закинул кнут за спину – ветер поднял хвостатое чудовище и подхватил, вздыбив окровавленное орудие к самому небу. Неподалеку появился смерч. Громадная воронка крутилась в смертельном танце всего в каких-то паре сотен метров от нас, засасывая в себя все, что было возможно.

Я стал ощущать как земля подо мной затряслась, как забегали мелкие камушки и песок, словно оживший, задвигался в сторону смерча.

– Ну, а теперь посмотрим из какого ты теста!

Он выждал еще несколько секунд, пока смерч не приблизился на опасное расстояние. Теперь стоять на месте стало опасно.

Он убрал ногу – грудь сразу отозвалась, заняв колющей болью в ребрах, сделал несколько шагов в сторону и тут же пропал из виду, утонув в кружившемся повсюду песчаном тумане.

Наконец, я смог подняться. Силы все еще оставались внутри меня, но ветер, безжалостный, резавший кожу на лице, словно наждачкой, прижимал к земле, то и дело заворачивая края старой куртки за голову.

Света что-то крикнула. В шумевшем гуле песчаной бури я смог разобрать лишь собственное имя и еще несколько слов. Сделал усилие, выпрямил ноги и оттолкнувшись ими от каменной земли, выскочил вперед, подбежав к ней так быстро как это было возможно.

Она лежала на месте, закрыв голову руками. Под головой увидел кровь. Света посмотрела на меня и только сейчас я сумел заметить как сильно разбита бровь и губа, покраснев от свернувшейся крови и песка, налипшей на них сразу после этого.

– Где он?

Я отрицательно покачал головой.

– Я не могу встать!

И тому были причины.

Смерч приближался к нам с устрашающей быстротой и бежать под давлением кружившегося ветра и режущегося песка было просто невозможно. Его громадное тельце вытянулось до самого неба и изгибалось, будто ожив и танцуя в такт навевающему ветру.

Я снял с себя куртку, накрыл тело Светы и лег рядом с ней, обхватив руками и прижав к себе так сильно, что почувствовал как трепетно бьется ее сердце и как тяжело ей было дышать.

Вскоре стихия настигла нас. Я ждал худшего. Думал, что это последний момент в моей жизни, когда я смогу увидеть живое человеческое лицо. Ждал, когда смерч поднимет нас всех, закрутит в своих объятиях, а потом сбросит с огромной высоты, разбив о каменную поверхность планеты, как два неподатливых желудка.

Песок залетал под куртку, засыпал глаза и не давал нормально дышать. Я попытался слегка приподнять его часть возле головы и посмотреть, что же там творилось с другой стороны. Но стоило мне только сделать это, как куртка взвилась вверх и чуть было не улетела в самое небо. В последнюю секунду я успел схватить ее и прижать обратно, но за эти несколько секунд, что пространство открылось моим глазам и я смог разглядеть бушующую стихию вокруг нас, смерч был прямо возле нас.

Его разинутая пасть искала своих жертв. Рвала камень, поднимала их и крутила, как безобидные игрушки, после чего раскидывала в разные стороны. Дождь из глыб и каменного ливня падал с неба непрерывным потоком. Несколько особо крупных кусков рухнуло в нескольких метрах и чуть было не задело нас.

– Не смотри! Прощу закрой нас!

Света боялась. Она стремилась укутаться в куртку и закрыла глаза руками.

Я сделал то, что она просила, но любопытство не давало мне покоя. Еще несколько раз я попытался взглянуть из-под куртки наружу, что же там творилось, но едва ли мог рассмотреть хоть что-нибудь отчетливое – песок стеной вращался вокруг нас и только блеклое сияние едва пробивавшегося солнца, давало понять, что мы все еще живы.

Спустя двадцать минут все затихло. Горы песка оказались возле нас. Несколько крупных осколков лежали воле нас и были похожи на громадные остроконечные зубы, вырванные из пасти дракона и выброшенные наружу.

Я стряхнул насевший на спину песок, попытался встать, но тут же упал, сраженный невидимой болью внутри тела, оставшейся еще с того самого поединка, где мы со Светой схлестнулись в неравном бою. По спине текла кровь. Я чувствовал как теплой стружкой алая жидкость стекала вдоль позвоночника, что стало неприятным знаком для меня.

Я повернулся, попросил девушку посмотреть то самое место, куда вцепилась черная змея инструктора и едва задрал куртку, услышал как она закричала. Зрелище видимо было не самое приятное и по взгляду, увиденному мною как только я повернулся к ней, стало понятно, что дело худо.

– Там...там будто разрезано ножом.

На этом все и закончилось. Я перевернулся на бок, стараясь держать спину прямо и не нагружать ее лишним раз, вспомнил как мамаша – та самая женщина, что заменила нам всем настоящую мать, рассказывала и объясняла как следует себя вести в таких ситуациях и главным, что усвоил из ее уроков – было хладнокровие. Кровь едва ли могла испугать меня в тот момент, но вот боль – острая словно бритва, появлявшаяся неожиданно и бившая так сильно, что скулы сводило в разные стороны, невозможно было терпеть вечно и в последний момент, когда я и Света решили подняться и направиться обратно к баракам, я не смог сдержаться и закричал. Так сильно и пронзительно, что из глаз полились слезы и мир поплыл, как будто водяной. Я пошатнулся, начал клониться в сторону и все мое тело в одночасье стало неуправляемым.

Голоса. Шум вокруг нас. Гул удаляющегося ветра.

Все это оказалось приглушенным и напоминало звук из канализационной трубы, когда любой крик и шорох становился низким и басистым, лишенным чего бы то ни было человеческого или природного.

Света попыталась меня удержать, но все напрасно. Я упал, рухнув раненой спиной на острые камни, многократно усилив те неприятные ощущения, что свалили меня с ног.

Мир стал черным.

Я слышал ее голос. Пытался ответить. Но язык предательски отказывался шевелиться, выдавая наружу нечленораздельные звуки и непонятные слова.

Потом мрак.

Сложно сказать сколько мне пришлось пролежать в таком состоянии, но, когда мне удалось выбраться из него и посмотреть, что же все-таки произошло, вокруг уже было тепло.

Кровать подо мной немного скрипела. Пружины под матрасом изогнулись и в следующую секунду резко выпрямились, издав мерзкий скрипучий звук, заставивший обратить на меня внимание всех сибов в помещении.

Войтенков подбежал, не скрывая своей улыбки, был еще малыш Никитин, мальчуган прыткий, с широкими и добрыми глазами, но он так и остался стоять на месте, поглядывая на меня вопросительным взглядом, будто спрашивая: "Черт, да ты еще жив?! Как же так! Не может быть!"

И всему этому можно было найти объяснение, если бы не боль, вернувшаяся ко мне вместе с сознанием.

Света была рядом. Она сидела на краю кровати и держала мою руку, поглаживая ладонь большим пальцем.

Я не мог разглядеть ее лица – вокруг было темно и свет горел только у входа, мерно освещая пространство вокруг. Были и другие сибы, что удивились моему воскрешению, но они решили остаться в стороне, боясь инструктора и того, что он мог повторить с ними тоже, что и со мной.

– Как?

Но ответа не последовало.

Войтенков присел рядом на край и дал немного воды. Потом отставил металлическую флягу в сторону и тихонько заговорил.

– Уже отбой. Не шуми.

Потом тяжело вздохнул и посмотрел на Свету.

– Она дотащила тебя до бараков.

– Что? – удивленно спросил я.

– Да, друг, все именно так. Прямо как мешок с песком, проволокла весь путь, пока мы не наткнулись на вас во время дежурства. Признаться честно, – казарму слегка встряхнуло. Ураган продолжал бушевать за стенами помещения и время от времени ударял по хрупкой конструкции, заставляя ее сотрясаться и сыпать пыль на голову спящим. – Я думал вам обоим каюк.

Несколько человек из глубины казармы в один голос подтвердили это.

– Что будем делать?

– Спать, – ответил Антон, после чего посмотрел на Никитина. – Леха, возьми его вещи.

Он передал мою куртку, встряхнул ее еще раз, но посильнее, вытряхнув остатки песка на пол, после чего швырнул ее на старый табурет, казавшийся настоящим артефактом в мире, где давно ничем подобным не пользовались.

Вскоре проснулся и Виктор. Парень всегда вел себя странно. Не любил большинство сибов из группы и всегда старался держаться особняком, выделяясь на фоне остальных поистине исполинским ростом и силой.

Он встал со своей кровати, прошел через темный ряд кроватей и уже приблизившись ко мне, встал между койкой и Светой, боязливо отодвинувшейся от него поближе к холодной стене.

Виктор был смугл, как и все парни в нашей сиб-группе, даже чуть темнее, но не сильно, чтобы можно было сказать о нем как о мавре. С короткой стрижкой и прямым, как выстрел лучевого оружия, взглядом, на его лице всегда висела гримаса презрения ко всему на что он смотрел.

Усевшись на край кровати и грубо оттолкнув Войтенкова и Никитина, Виктор наклонился ко мне и заговорил очень низким, почти басовитым голосом, что для подростка казалось просто немыслимым.

– Тебе просто повезло, салага. Выставь инструктор меня с тобой в паре, ты бы и минуты не выдержал.

Его агрессия никогда не имела под собой веских причин. По крайней мере мне так казалось. Он был таким всегда, сколько себя помнил и помнили его остальные, злость и ненависть ко всему, что было слабее его и меньше, казалась не имела границ. Всякий раз, на построении или простом показательном выступлении, когда сиб-группа готовилась к отправке на планету-полигон, он не жалел никого, кто встал напротив него, чем собственно и заработал себе дурную славу у всех, в ком текла кровь тех же родителей, что и у него.

На этом разговор и закончился.

Прежде чем вернуться к себе, Виктор бросил презрительный взгляд на последок и уснул, рухнув на кровать, как мешок, после чего молчание наступило и во всей казарме.

Ушел и Антон Войтенков и Леа Никитин, испугавшись грозного соплеменника. Осталась только Света, смотревшая на меня своими прекрасными глазами, которые я едва мог разглядеть в блеклом свете единственной подвесной лампочки у входа.

– Тебе больно? – спросила она.

– Да.– ответил я и хотел было что-то сказать, как стены казармы вновь задрожали. Ураган бушевал совсем рядом. Лампочка резко погасла – свет в казарме исчез окончательно. И в этом страшном дребезжании, когда сила стихии обрушилась на маленькое помещение посреди безжизненной пустыни, девушка вернулась к себе на кровать, закутавшись с головой в старое махровое одеяло.

III

В зале стояла гробовая тишина. Несколько человек, окружив громадный овальный стол, на котором сейчас блестела и искрилась трехмерная карта местности, внимательно изучали сложившуюся ситуацию. Двое сотрудников из числа обслуживающего персонала завершали работы по настройке оборудования и вскоре удалились, предварительно проверив соединения на прочность.

– Все плохо, хан. Настолько, что мне сложно говорить.

Офицер разведки докладывал хану Диккерсу.

– А вы попытайтесь – я выслушаю.

Хан был зол. Хотя на лице его мало что отражалось и эмоции давным-давно оставили этого человека, срывы иногда случались. Они всегда наступали внезапно. Как землетрясение, как идеальный шторм, появление которого ты можешь ждать неделями, а он так и не наступит, а когда ты расслабишься, дашь слабинку и раскиснешь – тут же возникал на горизонте.

Именно таким сейчас и предстал перед высшими офицерами хан Диккерс. Отведенная Кланом Волка неделя подходила к концу и ему требовалось знать причины, по которым выдвинутая ставка не сыграла так, как было запланировано.

Офицер сделал глубокий вдох и тем немногим, кто сейчас находился в зале для совещаний, стало понятно в каком напряженном состоянии находился докладчик, чье сердцебиение напоминало стук барабанов перед публичной казнью.

– Я слушаю вас. – тихо произнес хан. – Докладывайте обстановку.

Офицер неуверенно приблизился к столу, взял в руки длинную полупрозрачную указку и втопил ее в трехмерную модель планеты, жонглируя фигурами и складками местности как ему хотелось. Масштаб внезапно изменился, планета резко увеличилась в размерах и на смену маленькому шару – коим была планета, вдруг пришли плотные леса и гористая местность.

Снимки из космоса смогли запечатлеть с высоким разрешением все до самых мельчайших подробностей. При желании можно было даже разглядеть замерших на одном месте солдат и гражданских лиц, работавших бок о бок с пилотами Клана на базе.

– Они закрепились здесь, – офицер дернул указку в сторону и ландшафт перед ханом быстро изменился. – Горный перевал, складки местности. Их главные силы по-видимому стоят здесь.

– По-видимому? – переспросил хан.

– Да, – неуверенно ответил офицер. – У нас нет точных данных, нет снимков. Они используют энергетический купол, чтобы скрывать свое местонахождение. Наши датчики постоянно фиксируют скачки энергии в низине. Но если принять во внимание количество сил противника и модели боевых машин, то нельзя найти более удобного и вместительного места чем это.

Офицер ткнул указкой в закрытую песчаными перевалами низину, где и в самом деле можно было спрятать две дюжины машин.

Затем тишина вновь воцарилась в помещении. Молчание хана говорило лишь об одном – он не был доволен услышанным и хотел подробностей, которых офицер разведки не мог ему предоставить.

– Я так понимаю, все это основано лишь на слухах и предположениях?

хан Диккерс слегка приподнялся на кресле и заглянул в трехмерную модель предполагаемого места дислокации войск Клана Отпетых.

– Да, – офицер отошел от стола и стал ждать дальнейшей реакции.

Она последовала не сразу. Удостоверившись, что из присутствующих больше нет желающих говорить, хан встал со своего места и вышел вперед, оказавшись посередине комнаты у пульта управления голографической моделью. Затем повернулся к оставшейся части боевых офицеров и заговорил уже с ними, меняя тон с хладнокровного на более жесткий.

– Четыре дня, – он выпрямил руку и стал загибать пальцы. – Четыре проклятых дня вы сражаетесь на передовой с Отпетыми и до сих пор не можете сказать как так вышло, что мы не продвинулись в выполнении поставленной задачи даже на миллиметр. В первый день вы потеряли три тяжелых машины, во второй – два разведывательных летательных аппарата и звено "Рысей", на третий и четвертый вы превратили целый бинарий в груды дымящегося металлолома. За четыре дня Клан потерял столько, что можно было завоевать половину планеты, а вы как маленькие дети, напакостив, разводите руками и говорите, что не понимаете как так произошло. Мне кажется, или Клан доверил управление мехами не тем людям? Может мне стоит поднять вопрос о вашем разжаловании в низшие касты и заставить каждого из вас крутить болты и гайки, а управление боевыми машинами доверить более серьезным и ответственным людям?

Никто не ответил. Обстановка понемногу накалялась и присутствовавшие офицеры решили не усугублять ее, явно осознавая свои ошибки в Испытании на Право Владения.

– В таком случае вам всем следует проанализировать случившееся и подготовиться к следующему этапу Испытания. На этот раз все должно пройти так как запланировано, ибо второго такого раза уже не будет. Время на исходе.

И правда. Отведенное Кланом Волка на реализацию территориальных споров время таяло на глазах. Каждая минута была на счету и следующие три дня, что еще оставались в распоряжении хана Диккерса, могли спасти положение, хотя сам он очень смутно видел перспективы решающей атаки.

Наконец офицеры вышли, оставив после себя лишь напряжение, что еще висело в воздухе после серьезного разговора. Хан вызвал помощника, приказал последнему распечатать всю имеющуюся информацию и разведывательные данные, а так же предоставить как можно скорее детальную опись всех имеющихся боевых машин, что могли принять участие в решающем прорыве на данном направлении.

– Наемников учитывать? – спросил помощник, записывая распоряжения.

– Кстати, – хан поднял взгляд, – я ждал, что командир отряда должен был присутствовать на совете офицеров. Почему его здесь нет?

Помощник ответил не сразу. Ему потребовало связаться с узлом сообщений и передать запрос, после чего, когда наручная виртуальная панель зажглась ярким огнем и ответ появился перед глазами, тот смог заговорить.

– Они только-только возвращаются на базу. Как мне передали с развернутого на передовой штаба, командир ушел последним. Его боевой мех очень сильно пострадал и не может идти на полную мощность.

Хан откинулся на спинку кресла, не спуская взгляда с помощника, будто бы ожидая, что тот должен что-то сказать еще.

– Вот передают, – продолжил он, – что вместо командира на совете будет присутствовать один из бойцов отряда.

– Совет завершил обсуждение. Его присутствие тут уже не имеет значения. – потом с секунду помолчав, добавил. – Хотя, нет, передайте охране пусть прибудет ко мне сразу по возвращению на базу. Я хочу узнать что там произошло.

Дело было сделано. Последние распоряжение были отданы и помощник, словно призрак, быстро удалился из кабинета, оставив хана одного посреди горевших мигающим огнем панелей и трехмерной модели планеты, масштаб которой в данный момент был увеличен почти на максимальное значение.

Войтенков прибыл через двадцать минут в сопровождении двух охранников, стоявших по обе стороны пилота и державших ситуацию под полным контролем. Не то, чтобы хан боялся покушения или не доверял наемникам – как-никак они все были воинами и появились на свет путем отбора евгенической программы, но статус и положение Войтенкова, а так же всех тех пилотов, что воевали за Клан Волка с презрительным для остальных клеймом "наемник", делали разговор достаточно скованным.

Антон отдал честь, едва приблизился к хану на расстояние вытянутой руки, склонил голову и только после этого протянул руку. Хан проигнорировал этот жест, предложив Войтенкову немедленно доложить обо всем, что произошло в последней схватке.

– Руководство Клана Волка и я в том числе обеспокоены сложившейся ситуацией. Мы несем потери, но при этом не продвигаемся вперед.

– Я понимаю, – ответил Антон, поглядывая на пульсирующее изображение трехмерной модели.

– Понимаете? Что именно?

– Ситуацию. – продолжал отвечать Войтенков несмотря на явное давление со стороны хана.

– Тогда расскажите о ней.

Хан вернулся на свое место, достав из внутреннего кармана кителя портсигар и сразу закурил. Его густые усы ожили, когда тот выдохнул серый дым через ноздри и сразу глубоко затянулся.

– Мы проигрываем Испытание, хан. – Антон решил сказать все как есть. – Клан Отпетых оказался слишком серьезным противником для нас.

Диккерс молчал.

– Они не идут в открытое столкновение, не контратакуют, хотя во время последнего боя в котором мы едва уцелели, сделай они это и навалились на нас оставшимися силами, боюсь мы бы с вами сейчас тут не разговаривали.

– Продолжайте.

– Ими кто-то руководит. Кто-то очень опытный и сильный. Мой командир разделяет эту точку зрения, хотя остальные пилоты сводят все к банальному невезению. Но я не склонен верить фортуне, когда вижу перед собой столь грамотно выстроенную оборону.

– Хорошо. – хан продолжал коротко комментировать каждый вывод Войтенкова и только один раз позволил себе поправить.

– Скажите, – он вытянул из сигареты оставшееся содержимое и оставил дотлевать в небольшой стеклянной пепельнице. – Многие высшие офицеры негласно винят меня в провале Испытания на Право Владения, считая, что выставив такую экстремально низкую ставку, я приговорил всех нас к проигрышу еще на старте событий. Вы разделяете такое мнение?

Войтенков хотел сказать да. Он с самого начала не верил, что силами в два раза уступающими силам противника вообще можно было что-то сделать. Но видя прямой, почти ледяной, как ночи на этой планете, взгляд хана, решил не говорить всю правду.

– Здесь сошлось много факторов.

Хан улыбнулся. Он раскусил Войтенкова.

– Не такой уж вы и храбрый, как о вас говорят.

Диккерс поднялся с кресла и прошелся по пустому помещению.

– Я попросил своего помощника принести мне ваше личное дело, но думаю, будет правильно, если я спрошу все лично у вас. Как так случилось, что один из лучших в своей сиб-группе вдруг оказался в рядах наемников? Вы не вольняга, не дезгра. Вы прошли Аттестацию достойно своих родителей. Я навел кое-какие справки и узнал, что инструктор, курировавший вашу сиб-группу, отмечал у вас небывалое стремление к победе и прыть, а так же смекалку, которая, собственно говоря, и позволила вам стать пилотом. Как же так?

Войтенков решил отмолчаться.

– Понимаю, – хан продолжал говорить. – Воспоминания. Все мы не любим рыться в своем прошлом, особенно если оно наполнено неприятными событиями, которых можно было избежать. Но если говорить откровенно, – Диккерс посмотрел на Войтенкова все тем же ледяным, опустошающим взглядом. – Как вы оказались среди наемников?

– Жизнь непредсказуема.

– И только? – хан удивленно поднял брови. – Вы пеняете на обстоятельства, хотя сами только что сказали, что не верите фортуне. А что есть фортуна, если не прихоть обстоятельств, а?

Войтенков стал чувствовать как хан Диккерс загоняет его в угол.

– Бросьте, зачем пытаться обмануть меня, если я и так вижу вас насквозь.

– Тогда зачем все эти вопросы?

– Я хотел услышать это от вас. Знать правду и слышать ее – это разные вещи. У меня в голове хранится информация о всех моих подчиненных, о каждом высшем офицере, начиная от рождения и этапах жизни в сиб-группе, заканчивая сегодняшним днем. Мне нравится держать все под контролем и вести события за руку до самого конца. Но в этот раз все почему-то пошло наперекосяк, несмотря на все мои усилия.

Хан Диккерс на несколько секунд замолчал. Панель управления резко вспыхнула перед его глазами, озарив всю комнату ярко зеленым цветом, после чего, выдав несколько коротеньких писков, так же быстро погасла.

– Я должен понять причину провала, – заговорил хан. – высшие офицеры разводят руками, никто не может мне дать ответ на этот важный вопрос, теперь я хочу спросить об этом у вас.

Он перевел взгляд с потухшей панели на Войтенкова.

– Боюсь, я не открою вам истины. Причины просты – мы недооценили своего противника. Он сильнее, упрямее, расчетливее нас. Его действия очень продуманны.

– Значит причина все-таки во мне, – мрачно подытожил Диккерс.

– Я этого не говорил, хан.

– Но вы об этом думаете все время, что мы разговариваем с вами. Не отрицайте – это читается в ваших глазах, в ваших ответах. Тоже самое мне говорили и другие офицеры до вас, но они предпочли обойтись более обтекаемыми формулировками.

Войтенков сглотнул скопившуюся во рту слюну, потом попытался сказать что-то еще, но хан перебил его.

– Думаю, с вами мы обсудили все, что я запланировал, но мне хотелось бы встретиться с вашим командиром.

– Конечно, – на этот раз твердо ответил Антон. – Я передам ему ваш приказ. Что-нибудь еще?

– Нет. Можете идти.

И Войтенков ушел, быстро покинув кабинет. Уже за дверями он почувствовал как ему стало легче, когда за спиной щелкнул замок и прохлада опустевшего коридора накинута на него. Этот разговор буквально выжал из него все силы и, сделав шаг, чуть было не упал прямо на месте, поняв как тяжело было находиться в одном помещении с этим человеком.

Слова Диккерса он передал сразу как только встретился со своим командиром. Найдя собрата по сиб-группе в боксе у все еще теплого меха, Антон не стал говорить что ему пришлось выслушать и как он чуть было не сорвался, желая высказать хану все, что накопилось внутри него за время Испытания и за что он мог легко поплатиться собственной жизнью.

– Что сказал Совет?

– Они обеспокоены.

– Правда?

– Да.

Разговор он закончил быстро, стараясь уйти подальше и перевести дух уже у себя в комнате.

Командир остался в боксе, общаясь со своим техником так будто и не было между ними пропасти субординаций. О чем и зачем ему так и не стало известно, ведь все это для него было чужим и почти безразличным. Антон вспомнил свои страхи, вспомнил как долго не мог заснуть перед Аттестацией, щемясь к краю своей койки в полупустом бараке и думая, что провалит их и окажется разжалован без права на пересдачу в самые низшие касты, откуда ему был бы закрыт путь обратно в пилоты. И пусть все это прошло давным-давно, но воспоминания, покрытые пылью и давно потерявшую актуальность, все еще навещали его время от времени, напоминая какой ценой он добыл себе победу.

IV

– Держи, держи его ровнее. Ровнее, я сказал! Какого черта ты делаешь, кадет?! Разуй глаза и посмотри на панель управления! Какие цифры ты там видишь?

Света опустила взгляд, пытаясь отыскать среди многочисленных кнопок и рычагов те самые цифры, указывавшие на критическое отклонение корпуса машины от заданных параметров. Ее руки вспотели, рычаги стали мокрыми и теперь предательски вырывались из ее ладоней, стоило только резче дернуть их в сторону.

– Я не слышу! – доносился грозный крик инструктора из наушника. – Повтори, что я тебе сказал?

– Цифры, – с трудом выдавила она из себя.

– Что за цифры?

– Корпус... точнее... отклонение от нормали.

– Еще раз.

– Отклонение корпуса.

– Полностью!

– Отклонение корпуса от нормали.

– Да, черты бы тебя побрал! Именно это я от тебя и прошу! Взгляни на приборы перед собой, вторая горящая панель у главного экрана.

Девушка быстро бросила взгляд в указанную область и тут же уперлась в мигавшую тревожным огнем цифровую панель, где прямо сейчас виднелись устрашающие цифры.

– Я вижу у себя тоже, что и ты сейчас. – продолжал кричать инструктор не выключая связь. – Какого черта я должен делать все за тебя? Кто из нас будет солдатом?

– Я. – ответила Света, едва сдерживая слезы.

– Что это? Я не могу поверить. Ты...ты хочешь заплакать. Будь я проклят если это так. Я даже отсюда чувствую как ты пытаешься удержаться, чтобы не зареветь. Брось все это! На войне тебе никто не поможет. Ты сама должна все контролировать и держать под рукой. Возьми рычаги в руки, сожми их так сильно, будто в них сейчас заключена твоя жизнь и выровняй этот проклятый кусок металлолома, чтобы он не рухнул на землю.

Света не отпускала их, как мог подумать инструктор, но еще сильнее сжала их, да так, что косточки на пальцах побелели.

Машина сопротивлялась – девушка допустила много ошибок во время очередной тренировки и теперь судьба ее была полностью в прямом и переносном смысле в ее же руках.

Старый мех был лишен смертоносной начинки и переделан под учебные нужды уже очень давно, но опасность его от этого не становилась меньше. По одному только внешнему виду можно было сказать, что эта штуковина, прошедшая огонь войны и забвение, была старше всего, что находилось на этой планете, но все еще могла дать жизни, повесить только на нее всю необходимую начинку. Однако в данный момент его корпус был слишком сильно перекошен неудачным маневром и держался на "пальчиках", чтобы с грохотом не рухнуть на каменистую поверхность планеты-полигона.

Дул страшный ветер. Песчаная буря ушла далеко на север, но даже сейчас ее сила могла легко опрокинуть старый мех, раздавив внутри себя и самого пилота.

Мы наблюдали за этим из небольшого бункера, где была оборудована станция слежения и пункт связи. Инструктор сидел в самом центре, окруженный приборами и датчиками контроля, передававшие на его компьютер всю информацию о состоянии учебного меха. Была и видеотрансляция из кабины пилота, которую наблюдали и другие сибы.

Ее лицо было напряжено. Да, мы все видели это. И больше всего я боялся, что она испугается. Я прошел этот тест самым первым, хотя инструктор грозился оставить меня "на закуску", но что-то пошло не так и в последний момент, когда Антон уже взбирался на мостик потрепанного жизнью меха, инструктор поменял нас местами, приказав занять место за штурвалом.

Теперь мне самому было страшно за Свету. Она должна была справиться, она просто не могла поступить иначе. Слишком много ошибок, слишком много неудачных решений и резких движений, дергавших многотонную машину из стороны в сторону, как больного во время припадка. Вот на экране загорели цифры температуры реактора. Висевшие почти у предельных значений, они вскоре поползли вниз. Следом пошли и остальные. В какой-то момент я выдохнул, веря, что девушка справилась. Она смогла взять себя в руки, исправила те многочисленные ошибки, что привели ее в такое трудное положение и, казалось, полностью взяла под контроль ситуацию.

Шаг. За ним еще один. Неподатливый мех наконец начал слушаться своего пилота и твердо зашагал к финишной прямой.

Другие сибы заулыбались. Мрачным оставался лишь Виктор. Его взгляд мало о чем мог говорить, но в этот раз он был недоволен произошедшим, словно ждал провала Светы на испытаниях и готовился отпраздновать этот момент.

– Что ж, неплохо для первого раза, но ты заставила нас всех понервничать.

В эту секунду инструктор встал со своего места и подошел к громадному стеклу, откуда открывался вид на весь полигон, где только что проходили тренировки. Отсюда, с почти двадцатиметровой высоты можно было увидеть все, и песчаная буря, уходящая все дальше и дальше, лишь облегчала задачу.

Полоса препятствий пройдена. Финишная прямая осталась позади и вот он уже шел к микрофону, чтобы объявить полученные Светой баллы, как вдруг все замерли и сам инструктор, будто дикая кошка почуявшая засаду, выгнулся и в ту же секунду бросился к панели управления.

Все произошло очень быстро. Краем глаза он увидел как резко и совершенно без всякого основания машина подалась вбок, едва переступив красную линию. Секунда заминки – на экране показалось замершее в последнем мгновении лицо Светы и тут же пропало, зашипев многочисленными помехами.

Вся группа устремилась к окну, вопреки запретам и правилам. Устремилась и прилипла почти вплотную, чтобы запечатлеть в своей памяти момент, когда робот стал падать вниз, склонив грузную голову, будто перед смертью.

Грохот, облако пыли, лязг гнувшегося металла и проклятия инструктора. Все это смешалось в воздухе и наполнилось страхом перед следующими часами.

– У нас ЧП! Срочно выслать две группы во второй квадрат!

Орал он в микрофон.

– Что значит буря? У нас ЧП, вы там оглохли все! "Завал", да!

Зыркнув на нас красными от злости глазами, инструктор швырнул микрофон на стол и потянулся к "штормовке", накинув которую тут же бросился вниз по лестнице к дверям.

Мы побежали за ним, но большинство осталось стоять у выхода, вспомнив приказ не покидать помещение без указания инструктора и только мне, словно оглохшему и потерявшему связь с собственным чувством самосохранения, почему-то показалось, что именно сейчас я должен быть там, рядом со Светой, которая в этот момент, как никогда нуждалась в помощи.

– Две группы во второй квадрат! – продолжал говорить инструктор держа у рта небольшой передатчик. – Буду там через несколько минут. Да, у меня свой транспорт. Знаю. Пусть поднимут одну грузовую вертушку с креплениями. Мне плевать на погоду, она здесь всегда такая! Все, конец связи.

С этими словами он вскочил в кабину горбатого грузовичка-вездехода, с шипованными колесами за которыми тянулись гусеницы специально приспособленными для этих "дорог", и стал заводить, дав мне те несколько секунд, чтобы я смог проскочить дверной проем и подбежать к грузовику, а затем спрятаться в небольшом отсеке для груза, выпрыгнув через открытую металлическую дверцу сразу за ним.

Здесь не дул ветер, но было темно, как будто внутри металлической утробы, откуда все сибы когда-то попали на этот свет. Несколько продолговатых прорезей выходили наружу и через них можно было наблюдать за происходящим с той стороны машины.

Завыл двигатель, корпус затрясло и вскоре машина медленно поползла вперед, уходя все дальше от наблюдательного пункта, где в этот момент предпочли остаться остальные члены сиб-группы.

Я боялся этого с самого начала тренировок. Уж больно Света нервничала в этот день и будто предчувствовала страшное, выходя вперед к своей машине, когда остальные наблюдали за ней. Другие девушки молча проводили взглядом свою соплеменницу, оставшись в стороне и промолчав, когда инструктор прорычал на всю группу, предупредив о недопустимости любой помощи и подсказках во время тренировок. Да и как это можно было сделать? Она далеко, внутри стального корпуса машины, а мы – здесь, в нескольких километрах в бетонной коробке,

в окружении бушующей стихии, чья основная сила умчалась далеко от этого места, но отголоски песчаной бури все еще доносились до этих стен.

Колеса вздрогнули под грузовиком и часть корпуса завибрировала, когда мчавшийся к месту крушения транспорт налетел на "каменку" – некое подобие дороги с выпуклыми булыжниками, отполированными ветрами до почти идеально ровной поверхности. Несмотря на скрежет, инструктор не сбавил ход. Мне даже показалось, что грузовик ускорился, стремясь как можно быстрее проскочить этот промежуток дороги и выйти наконец на более приемлемую почву, если таковая вообще могла существовать на этой планете.

Грузовик подскочил, повернув резко в сторону. Я попытался разглядеть через продолговатые щели, откуда сейчас летел песок и пыль; прищурился и всмотрелся вдаль – мы были далеко. Корпус наблюдательного пункта окончательно пропал из виду, хотя как мне казалось мы не проехали и четырех километров, но из-за поднявшейся тучи пыли и песка было сложно сказать точнее. Потом транспорт устремился вперед – я почувствовал как двигатель зарычал сильнее прежнего и задняя часть, та, что была на гусеничной половине, внезапно опустилась, словно пыталась зацепить за дорогу и остановить машину, так сильно рвавшуюся к месту крушения.

Скорость понемногу падала. Я уцепился руками в перегородку, потом прижался спиной к холодной железной пластине, игравшую роль защиты для водителя на случай если огонь по машине велся из-за спины, глубоко вдохнул и стал ждать.

Грузовик затарахтел, подпрыгнул в последний раз, наскочив на камень у дороги, и сразу остановился, расслабленно зашипев и начав дымить, будто готовый загореться в любую минуту.

– Я на месте, – докладывал инструктор, – начинаю осмотр машины.

Хлопнула дверь. Мужчина выбрался наружу и зашагал вперед, приближаясь к развалившемуся меху в нескольких десятках метрах от грузовика.

Я осторожно отодвинул замок, вытолкнул дверцу грузового отсека и, стряхивая с себя насевшую пыль и песок, буквально выкатился наружу, кашляя и тяжело дыша.

Ветер скрыл мое присутствие и позволил остаться незамеченным еще на некоторое время. Поднявшись и сядя рассмотреть что же произошло, мне удалось разглядеть черный корпус учебного меха, лежавшего сейчас на боку, немного накренившись в сторону дороги. Инструктор копошился рядом с ним, поднимаясь все выше и выше к кабине пилота, чтобы отыскать девушку.

Я пошел по его следам. Шел осторожно, стараясь не привлекать внимания к себе. Затем, схватившись за несколько погнутых металлических кусков, видимо не выдержав силы падения и согнувшихся под тяжестью меха, стал подниматься вверх.

Он выбил шнур, буквально отодрав запасной клапан, державший люк катапультирования и закрывавший единственный выход для пилота. Потом схватился за рычаг обеими руками и потянул на себя. Рыча и проклиная все на свете, инструктор поднял железную перегородку, весившую почти шестьдесят килограммов, и откинул в сторону, тут же нырнув внутрь и пропав на несколько секунд из моего поля зрения.

На горизонте вспыхнули первые молнии. Песчаная буря начала разворачиваться и скоро должна была оказаться здесь.

Любопытство и страх сейчас владели мной. Я мог держаться так еще несколько минут, пока мужчина не появится вновь, но тогда меня будет невозможно не заметить, а мог спуститься вниз и спрятаться обратно в грузовом отсеке. Там меня никто не будет искать, а сам инструктор не поймет, что везет за своей спиной наглого сиба, позволившего себе нарушить железный приказ.

Вскоре мужская рука показалась наружу. Схватившись окровавленными пальцами за край люка, она вытолкнула, как кусок мяса, женское тельце на крышу кабины и вскоре опять

пропала внутри. Затем появилась голова, туловище. Инструктор выпрыгнул следом и подхватив девушку, стал осматривать ее, проверяя пульс и что-то бормоча себе под нос.

В эту секунду я подался вперед. Мне не терпелось взглянуть жива ли она. Сможет ли идти и удастся ли ей продолжить обучение вместе с нами.

Не заметив за этими размышлениями как сильно я вылез вперед, пластина под моими ногами предательски затрещала. Реакция была почти мгновенной. Выстрел. Огненный комок энергии выпорхнул из пистолета и пролетел у самой головы, пронзив искореженный металл и отскочив от бронированной части в другую сторону.

– Какого черта! – вдруг заорал инструктор, не убирая пистолет в кобуру. – Как ты тут оказался?

Теперь можно было не прятаться. Это было бессмысленно.

Выйдя вперед и полностью раскрыв себя, я сделал несколько твердых шагов в сторону кабины, после чего замер, будто потерявший над собой контроль.

Отсюда я увидел Свету. Она была без сознания и вся в крови. Бровь на ее лице оказалась разорвана и свернувшаяся кровь делала ее лицо почти неузнаваемой.

– Чего вылупился, болван? Раз ты тут, то помоги мне!

Мое тело вздрогнуло как по команде и ноги сами понесли меня к нему.

Перепрыгнув через несколько вывернутых наружу кусков металла и развалившейся части фронтальной обшивки, я через несколько секунд был уже рядом с ним.

– Держи здесь!

Я прижал двумя маленькими руками кровоточившую рану на шее. Потом посмотрел на инструктора, чье лицо было наполнено гневом и злостью.

– Прижми тампон и держи так, пока я не вернусь!

Он выпрямился и нырнул опять в кабину, откуда вскоре вытащил маленькую аптечку, содержимое которой было выпотрошено в спешке прямо внутри боевого меха.

Обезболивающее. Бинты. Куча стимуляторов, способных поднять даже покойника. Все это сейчас лежало перед моими глазами.

– Что с тобой? Крови никогда не видел?

Мне было плохо. Кровавые ладони едва ли делали мне лучше и вскоре я просто не смог смотреть на них. Комок подходил к горлу, становилось мутно и желудок навязчиво пытался вытолкнуть содержимое обратно наружу.

– Ты нарушил приказ... – говорил инструктор, делая спасительный укол Свете. – самовольно покинул территорию наблюдательного пункта. – потом взял бинт и разорвал зубами упаковку. – забрался внутрь служебного транспорта и оказался на территории испытательного полигона, тем самым поставив под угрозу собственную жизнь до обретения необходимых навыков выживания и самообороны. – затем, когда все было сделано, поднял девушку на руки. – Ты наплевал на все протоколы безопасности и мои личные указания, за что по прибытию обратно в штаб будешь подвергнут дисциплинарному наказанию.

Его голос звенел смертельной угрозой и страх перед ним был вовсе неиллюзорным. Он выполнит обещание и сделает это самым извращенным способом, как любил этот делать всегда.

Инструктор спрыгнул вниз и потопал к грузовику, совершенно забыв про меня. Я догнал его, проскользнул через приподнятую ногу боевой машины и встал перед ним, держа дверцу грузовика.

Света все еще была жива и меня это очень сильно обрадовало. Не знаю почему, но именно на этом факте я заострил свое внимание, когда почувствовал удар ладони по своему лицу. Боль будто прошла мимо меня, только огненное чувство и "загоравшаяся" щека заставили вернуться из мира мыслей в реальность.

Ветер поднял песок и крутил в вихре целую тучу горной породы. Инструктор смотрел на меня, гудел заведенный двигатель. Я не знал что сказать и просто молчал, потирая рукой алую щеку.

– Ты...ты, чертов сопляк!

Мне казалось, что я слышал как скрежетали его зубы от злости.

– Если бы только это было в моей власти... если бы только ты не был еще ребенком, клянусь, я выбил бы из тебя всю дурь и заставил рыдать кровавыми слезами.

Затем на секунду замолчал и сразу после этого закричал не своим голосом.

– Ты нарушил мой приказ!

Он было замахнулся второй раз, но едва рука поднялась над его головой, как сразу остановился, медленно опустив уже готовившуюся к удару ладонь.

Лицо резко изменилось, дыхание стало ровным и вскоре гнев сошел на нет, уступив место хладнокровию.

– Полезай в ящик.

Это был тот самый грузовой отсек в котором я пробыл первую половину пути. Я не стал дожидаться второй просьбы, которой вполне вероятно можно было и не дожидаться, быстро шагнул в сторону, все еще потирая горевшую щеку рукой, и запрыгнул внутрь, закупорив вход вывалившейся металлической перегородкой.

На этот раз мы ехали медленнее. Грузовик больше не подпрыгивал на каменистой поверхности планеты-полигона, двигатель спокойно тарыхтел и не было слышно скрежета корпуса от давившей со всех сторон стихии. Мы просто спокойно двигались по направлению к базе, где меня ждало самое страшное.

Разговоры о наказаниях всегда были самыми страшными в сиб-группе и чаще всего наполнялись небылицами и придумками самих сибов, пытавшихся таким образом показать всю серьезность нарушения приказа. Дополняли картину и истории "мамаш". Сколько раз она твердила нам, еще маленьким детям, которые толком не могли понять зачем и почему появились на этот свет и как так получилось, что вместо обычных родителей, которых мы были лишены с самого рождения, были обязаны называть отцом и матерью только одного человека, что послушание самое главное, что однажды мы встретим того, чей указ должен стать для нас нерушимым. Она редко приводила конкретные примеры наказаний, но всегда концентрировала внимание на опасности даже самой мысли нарушить правило или, тем более, приказ будущего инструктора и командира.

– Вас накажут так сильно и так больно, что вы никогда этого не забудете.

Тогда мы все слушали это с содроганием сердца и с чувством праведного страха перед будущими искушениями. Но вряд ли кто-нибудь из сибов вообще мог подумать, что нечто подобное, хотя бы отдаленно похожее на все эти сказки и небылицы, могло воплотиться в реальность прямо перед их глазами.

Инструктор не сказал ничего по возвращению на базу. К этому времени вся сиб-группа была уже там – Антон украдкой смог поведать, что после происшествия с учебным мехом и нашего отъезда к месту падения, спасательная бригада эвакуировала их оттуда, приказав молчать и не обсуждать случившееся.

– Мы не можем говорить.

Его глаза испуганно бегали по коридору, где сейчас толпились взрослые люди в форме.

– Потом, – сказал он, отходя за черту, – в другой раз.

Девушку унесли в медблок, куда доступ был закрыт посторонним. Меня же и еще несколько человек из других групп отвели в специальные комнаты, где заставили ждать около полутора часов до появления инструкторов.

– Нарушение, – начал он совершенно спокойно, усевшись прямо напротив меня и положив перед собой тлевшую сигарету. Дым от нее поднимался к самому потолку и там, коснув-

пшись белоснежного покрытия, разбежался в разные стороны. – Ты меня разочаровываешь и очень сильно. Мы были далеко, нас никто не видел, буря бушевала всего в нескольких километрах. Я мог бы сделать все, чтобы ты потерялся на том полигоне, а потом, после очередной Аттестации, твои останки истлели до такого состояния, что ни одна экспертиза не смогла бы понять как и почему ты умер.

Он не боялся своих слов, говорил открыто не обращая внимания на камеры в углу комнаты у потолка и других, незаметных для человеческого глаза скрытых средств слежения. – Будем честны, кадет, я слишком много тебе прощал в последнее время. Твое наказание лишь запоздалая попытка дать тебе понять, что и как нужно делать и кому подчиняться.

Я молчал.

– Скажешь что-нибудь?

Я пожал плечами. Мне не хотелось ничего говорить, да и страх внутри меня не давал разинуть рот и высказать хотя бы пару слов в свою защиту – так сковывающе действовало на меня присутствие этого человека в комнате.

– Вот. – он толкнул несколько развернутых листков на которых был написан вывод комиссии по случившемуся. Я слегка наклонился вперед, пробежался глазами по словам и уже по первым строкам догадался, что меня ждет в скором времени.

– Ты понимаешь что здесь написано?

Я утвердительно кивнул головой, после чего инструктор полез в карман и вытащил оттуда коротенькую продолговатую деревяшку сантиметров четыре в длину и около сантиметра в диаметре, после чего передал ее мне.

– Это тебе пригодится. Считаю меня зверем, но мне не доставит удовольствие то, что я буду делать завтра.

После этого он вышел из комнаты и ушел куда-то далеко. Я даже не слышал его шагов, ведь все мое внимание было сосредоточено на этой маленькой деревяшке, на поверхности которой сохранились небольшие впалые отметины, оставленные маленькими зубами.

– Восемь! – кричал кто-то из зала и свист ядовитой змеи опять разрезал воздух.

– Девять!

И снова все повторилось.

– Десять!

– Одиннадцать!

– Двенадцать!

После чертовой дюжины я потерял сознание. Оно провалилось в другой мир, где боль и страх, слезы и мольбы о помощи ушли на второй план. Здесь было тепло, спокойно, здесь я чувствовал себя как дома, как в той металлической утробе, где как мне казалось каждый сиб ощущал полную, если не сказать абсолютную безопасность. Лишь изредка разум поднимался из омута небытия, подталкиваемый на поверхность болезненными укусами змеи, чтобы опять, едва вынырнув, погрузиться вновь. Она извивалась, металась из стороны в сторону, как жадный зверь выискивая лазейку для удара, и с новой силой впивалась в еще не огрубевшую кожу, вырывая и откусывая кусочки кожи.

Церемония наказания закончилась в девять, когда отбой всем группам был объявлен по громкоговорителю, установленному рядом с баракком. Мальчики и девочки, повзрослев раньше обычного, прошли мимо меня ровным строем, даже не посмотрев, после чего погрузились в специальный пассажирский транспорт и умчались далеко вперед, обратно к своим ржавым койкам, где теперь стало слишком много свободного места.

– Ты кричал и это было страшно.

Света разбудила меня и в ту же секунду попросила у меня прощения. Спина адски болела и огненная волна боли, появлявшаяся каждый раз стоило мне только резко пошевелиться, пробежалась вдоль всего корпуса.

– Ты была там? Я думал, что ты в лазарете.

Мне удалось устроиться так, чтобы можно было разговаривать. Свет не горел, в бараке было жутко холодно и ветер, дувший здесь почти каждый день, свистом проносился вдоль стен. Остатки сиб-группы, которая к этому моменту поредела на несколько человек, мирно спали у себя на кроватях. Марина и Виталий покинули планету днем ранее, не выдержав проверки на стрельбище и получив на ней тяжелые ранения, Дилон и Таня ушли следом за ними. Что случилось я так и не смог выяснить – никто не хотел говорить об этом. Антон молчал, лишь отмахиваясь от вопросов, а Леха Никитин и вовсе попросил не заводить разговоров на эту тему, недвусмысленно намекнув на нежелание оказаться на лобном месте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.